

0971

№ 4

СѢВЕРНЫЙ

1914 г.

УСЛАЯРЪ.

Еженедѣльный журналъ
учащейся молодежи
въ пользу семей
павшихъ въ бою
воиновъ.

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр.
Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Кон-
тора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч.
веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч.
Тел. 530-66.

Цѣна 10 коп.

Бельгійско-Голландскій Магазинъ

**ЭСДЕРСЪ И
СХЕФАЛЬСЪ.**

Гороховая 15—73, у Краснаго моста.

ПОЛУЧЕНЫ

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ СЕЗОНА.

Торговый Домъ

Ф. Д. МЕРТЕНСЪ.

Мѣхaimѣховыя издѣлія.

Боа. Этоли. Муфты.

Съвержый Тусляръ

№ 4

0271

28 Ноября 1914 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Счастливое поколѣніе, Римусь.—Стихотв., Раевской.—Объ экономическихъ организаціяхъ.—Perpetuum mobile, Морозова.—Стихотв., Раевской.—Ночныя видѣнія, Шишовой.—Поэза (стих.), Толмачева.—Ставсы (стих.), Дроздова.—Курбанъ, В. Степного.—Стихотв., Дроздова.—Три идеи въ русской философіи, проф. Жакова.—Жизнь высшей школы.—Письма въ редакцію.—Отчетъ редакціи.—Объявленія.

Счастливое поколѣніе.

Исторія человѣчества похожа на романъ, тянущійся безъ конца и, быть можетъ, даже безъ начала. Какъ и въ романѣ, въ ней имѣются страницы неодинаковаго достоинства и различнаго интереса. На общемъ пестромъ и немножко скучномъ фонѣ событій иногда неожиданно раскрывается страница необычная, яркая, насыщенная блестящими мыслями, играющая алмазными переливами чувствъ и хотѣній. Какъ яркій солнечный день въ длинной полосѣ осеннихъ тумановъ, она приковываетъ и захватываетъ читателя, наполняетъ его душу богатствомъ жизненныхъ порывовъ, осознанныхъ идей и пережитыхъ чувствъ. Таковую страницу можно читать десятки разъ—и не начитаться. Можно участвовать въ этой сценѣ сотни разъ—и не устать...

Счастливъ тотъ, кому удастся прочесть такую страницу! Счастливо то поколѣніе, которому судьба назначила не только читать, но и участвовать въ созданіи этихъ прекрасныхъ „интермеццо“, быть дѣйствующимъ лицомъ въ такія сравнительно рѣдкія эпохи.

Современная эпоха для насъ, русскихъ, одна изъ такихъ рѣдкихъ страницъ исторіи. Современное поколѣніе, наши „отцы“ и, въ особенности „дѣти“, одни изъ тѣхъ счастливицевъ, которые „родились въ сорочкахъ“, которые отмѣчены и выбраны судьбой въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ прекрасной и удивительной исторической драмы!

Въ самомъ дѣлѣ, на протяженіи какихъ-нибудь десяти-пятнадцати лѣтъ, нашему поколѣнію пришлось пережить больше, чѣмъ переживаетъ иногда рядъ поколѣній въ теченіе сотни лѣтъ. Мы видѣли и участвовали въ жизни „старого порядка“, мы пережили его крушеніе и эпоху перелома, вступили въ сферу „новаго“ внутренняго строя и, наконецъ, являемся зрителями и дѣйствующими лицами въ такомъ грандіозномъ, величественномъ актѣ, какъ текущая міровая война. Больше чѣмъ кто-нибудь, мы имѣемъ право сказать: „какъ мало прожито, какъ много пережито!“ Захваченные стремительнымъ потокомъ событій, мы быстро неслись отъ одного „материка“ къ дру-

гому, отъ одной страны къ другой, отъ однихъ событій къ инымъ. Временами насъ охватывала бурная и буйная радость, моментами мы отдавались во власть гармоничнаго покоя и отдыха, иногда наступали горькія минуты тоски; надежда и разочарованіе, радость и горе, любовь и ненависть, какъ аккорды великой симфоніи, смѣнялись въ душѣ, обогащали ее и создавали тотъ дѣйственный капиталъ, который требуется для творчества „чреватаго“ будущаго!

А что это будущее „чревата“ и „беременно“ величайшими фактами—въ этомъ едва-ли кто сомнѣвается. Поэтому не слѣдуетъ забывать объ этомъ, поэтому-же слѣдуетъ готовиться къ воспріятію его, какъ готовились Евангельскія невѣсты къ появленію Прекраснаго Жениха.

Иначе оно придетъ, пройдетъ мимо насъ, исковеркаетъ подъ колесами своей великолѣпной колесницы тысячи жизней, и мы, какъ нерадивыя невѣсты, окажемся за предѣлами брачнаго чертога Великаго Будущаго...

Въ особенности слѣдуетъ помнить объ этомъ „дѣтямъ!..“ „Отцы“ всегда были „отцами“... Исторія имѣетъ свою логику, и эта логика неуклонно заставляетъ ихъ „опаздывать“ и быть въ хвостѣ событій. „Отцы“ сдѣлали то, что могли. Творческой силой будущаго являются „дѣти“; они будутъ „каменьщиками“ и „строителями“ новаго зданія, поэтому именно имъ необходимо прежде всего „быть мудрыми, какъ змѣи, и кроткими, какъ голуби“.

У „отцовъ“ есть свои завѣты и свои традиции. Они, быть можетъ, были умѣстны въ свое время, для будущаго они неизбежно потребуютъ поправокъ. Воспользоваться всѣмъ опытомъ прош-

лаго, всѣми уроками недавняго перелома,—отказаться послѣдовательно отъ того, что „изжито“, порвать съ традиціями, если онѣ устарѣли—вотъ, что потребуется логикой жизни отъ „дѣтей“ въ первую очередь...

Эта задача не легкая... Для этого потребуется величайшая „змѣиная мудрость“ и величайшій идеализмъ евангельскихъ апостоловъ... Идеализма у русскихъ „дѣтей“ всегда было достаточно... Всѣ страницы XIX вѣка осѣнены живительнымъ ароматомъ благороднѣйшихъ порывовъ и безкорыстнѣйшихъ подвиговъ. Но для продуктивнаго творчества мало одного идеализма. Нужна еще великая мудрость, чтобы этотъ „паръ“ идеализма не пропадалъ даромъ, не терялся въ пустотѣ, а шелъ въ великія трубы народнаго механизма, проходилъ въ тѣ проводники, которые двигаютъ великую государственную машину...

Послѣдняго именно и не хватало намъ. Богатый и напряженный паръ нашего идеализма сплошь и рядомъ уходилъ черезъ щели и двери плохо оборудованной машины въ пустоту, вмѣсто того, чтобы давать богатые плоды, давалъ въ результатѣ только сотни разбитыхъ жизней, исковерканныхъ силъ и тысячи „разочарованныхъ“ безжизненныхъ интеллигентовъ, подобныхъ Чеховскимъ героямъ...

Не повторять этой ошибки неэкономнаго расходованія идеальныхъ силъ—значитъ на цѣлую голову опередить предыдущія поколѣнія въ дѣлѣ социальнаго строительства...

Для этой цѣли необходимо на время отрѣшиться отъ старыхъ лозунговъ, пересмотрѣть ихъ спокойно и безпристрастно, проанализировать критически готовые рецепты и только тогда, когда

онъ выдержать экзамень,—принять ихъ. Въ противномъ случаѣ, необходимо отвергнуть ихъ, какими бы прекрасными они не казались...

Соціальное строительство „не храмъ, а мастерская“. Здѣсь мало благоговѣть, нужно еще работать. А для продуктивной работы надо знать механизмъ машинъ, свойства матеріала, упругость и эластичность устоевъ и, наконецъ, учесть количество и качество работниковъ. Великій инженеръ тѣмъ и великъ, что онъ создаетъ грандіозные проекты и умѣетъ въ то же время учесть всѣ реальныя условія, необходимыя для ихъ реализаціи. Проекты же, хотя и грандіозные, въ родѣ изобрѣтенія *perpetuum mobile*, но невозможные въ дѣйствительности, не дадутъ титула „великаго изобрѣтателя“, а въ лучшемъ случаѣ вызовутъ только симпатію къ „чудаку“ и „фантазеру“, строителю воздушныхъ замковъ и несбыточныхъ мечтаній.

Синтезирование Великой Правды — Справедливости, великаго идеализма съ чутьемъ реальности, съ позитивнымъ

Я на звонкомъ тамтамѣ, томительно-знойномъ,
Иль на струнахъ пѣвучей зурны
Разскажу о дурманахъ въ саду беладоны
И навѣю миражные сны.

И подь звуки тамтама тебѣ пропою я,
Что хочу, какъ самумъ, истомить...

Полюби меня, смертный, тебѣ подарю я
Тайну жгучую сладко любить.

Полюби меня стройный. Обвѣяна снами
Унесу я тебя въ край иной,
Гдѣ звучитъ пѣснь любви на гремучемъ тамтамѣ,
Тамъ ты будешь—безвольный со мной.

С. Раевская.

анализомъ необходимыхъ реальныхъ условій—вотъ задача, властно накладываемая на „дѣтей“...

Будущее чревато событіями. Надо его ждать и надо готовиться къ его пришествію. Оно требуетъ указаннаго синтеза. Если удастся его достигъ—счастлирое поколѣніе будетъ великимъ строителемъ, если нѣтъ,—исторія русской общественности увеличится еще одной, хотя и красивой, но едва-ли вполне творческой страницей...

Было бы грустно, если бы и теперь пришлось повторить то, что сказалъ поэтъ о своемъ времени:

„Мы еще не въ могилѣ, мы живы,

Но для дѣла мы мертвы давно...

Суждены намъ благіе порывы,

Но свершить ничего не дано...

Идеаль не допускаетъ компромиссовъ, но его реализація требуетъ постепенности. Свято беречь чистоту идеала и учитывать строго реальныя условія, позволяющія идеалу перейти изъ области „Должнаго“ въ міръ „Сущаго“—вотъ лозунгъ момента.

Римусъ.

Объ экономическихъ организаціяхъ

(Продолженіе).

Старыя формы экономическихъ организацій, какъ и указывалось нами ранѣе, отживаютъ свой вѣкъ. Они отмираютъ, сдѣлавши свою исторію и необходимы серьезныя экскурсіи въ область новыхъ экономическихъ возможностей. Нужны новыя,—болѣе жизненныя, болѣе отвѣчающіе моменту осуществленія. Правда, моментъ для изысканія не совсѣмъ удаченъ и подходящъ: война поглотила всѣ наши духовныя и физическія силы.

Мы жадно прислушиваемся къ гулу, несущемуся съ востока, юга и запада. Живемъ одной жизнью съ пушками, солдатами и броненосцами. Война есть отчасти и причина крушенія многихъ отжившихъ свои формы построеній, не только въ области экономическихъ вопросовъ, но такъ же и въ области социальныхъ принциповъ. Война быть можетъ двинула на много лѣтъ впередъ наше полудремавшее сознаніе. Ускорила эволюцію духа. Заставила искать выхода изъ положенія блаженной заскоружности и ложнаго шествованія по окольной, запутанной тропинкѣ, выдвинувъ на первую очередь задачи—созданія новой философіи—философіи синтеза и согармонированія идеализма съ реальностью,—философіи той уравновѣшенности духа съ плотью, которая идетъ на смѣну изжитымъ теоріямъ.

Война приблизила насъ къ той грани, которая рано или поздно—должна была прійти, но для этого потребовались бы цѣлыя десятилѣтія. Она же на многое открыла глаза и, не вступая въ оцѣнку ея придвинутаго, попытаемся строить тотъ дворецъ будущаго, о которомъ такъ долго мечталъ идеалистъ-реалистъ.

Прежде всего намъ необходимо начать съ самихъ себя. Говорятъ, мы вырождаемся. Мельчаемъ. Стали злы и мелочны, недовѣріе свило прочное гнѣздо среди молодежи.

„Призывъ къ взаимному уваженію, къ честному исканію истины звучитъ насмѣшкою, въ лучшемъ случаѣ, непониманіемъ среды!“

Пишетъ намъ одинъ изъ товарищей. Достаточно вспомнить послѣднія выступленія отдѣльныхъ академическихъ группъ, увлекшихъ за собой массу молодежи, чуткой и неуравновѣшенной, ищущей выхода изъ тупика, ищущей точку приложенія той потенціи, которая безъ

разумнаго руководящаго начала можетъ быть вылита въ какую угодно форму. Наша молодежь всегда отличалась одной специфической особенностью, рѣзко характеризующей ея духовныя склонности—внутреннее единеніе, вотъ ея достоинство. Эта черта незамѣтно выродилась и приняла другую форму, именно—„с о л и д а р н о с т ь“. Теперь, если бастуемъ, то только изъ солидарности, а не по убѣжденію, а это уже нѣчто близкое къ „инстинкту стадности“.

Выступаемъ не иначе—какъ за спиной авторитетовъ, а не открыто и прямо. Нѣтъ той свободной атмосферы самостоятельности, нѣтъ и дружнаго согласія, а поэтому нѣтъ и довѣрія. Всюду форма,

И даже въ своихъ организаціяхъ студентъ не обойдется безъ „старосты“, безъ „представителя“. „Больно становится за будущее родины, когда видишь разложеніе студенчества, паденіе его устоевъ.. Поможетъ ли призывъ!“ Пишетъ тотъ же товарищъ.

Но мы оптимисты. Мы не можемъ согласиться съ этой „правдой“. Что мы измельчали и что мы параллельно съ прогрессомъ культуры мельчаемъ и механизуемся—это правда, но еще есть время остановиться. Еще не поздно!

“Я не нашелъ еще ни одной среды, гдѣ такъ бы расходились слова объ уваженіи личности противника по убѣжденіямъ съ повседневной практикой взаимнаго оплевыванія.“

Скорбитъ извѣрившійся студентъ.

„Вмѣсто доказательствъ, говоритъ

онъ дальше—откройте форточку!... вмѣсто свободы сужденій—долой!“

Чтобы имѣть возможность бороться съ нашимъ общимъ врагомъ,—собственной разрухой: „стадностью“, „солидарностью“ — тѣми болѣзнями, которыя изъ года въ годъ разѣдаютъ завѣты стараго студенчества, дѣлая его хилымъ и безжизненнымъ,—намъ нужно прежде всего, хотя бы на время, отрѣшиться отъ всего, что такъ или иначе вѣлось въ нашу плоть и кровь. Отрѣшиться. Стать выше партій и партійщины и окомъ безпристрастнаго критика пересмотрѣть, проанализировать и принять только то, что жизненно и цѣлесообразно, въ противномъ же случаѣ отбросить, какъ ненужную вещь, хотя-бы и имѣвшую когда-то цѣнность.

Въ связи съ переоцѣнкой духовныхъ цѣнностей встаетъ вопросъ и объ экономическихъ организаціяхъ, именно—объ организаціи нами предлагаемой. Это и будетъ первый опытъ проведенія въ жизнь реализованнаго идеализма.

Частью той задачи, которую мы беремъ на себя.

Въ этой организаціи, отличной отъ существующихъ, главный принципъ—принципъ общеообязательнаго труда.

Каждый членъ ея имѣетъ право на полученіе ссуды—вѣрнѣе вознагражденія не иначе, какъ путемъ затраты нѣкоторой доли личнаго участія, собственнаго труда. Только тогда эта организація не будетъ „соревнованіемъ бездѣльниковъ“, а прямымъ и естественнымъ средствомъ — источникомъ матеріальнаго обезпеченія неимущихъ, хотя бы въ минимумѣ.

При чемъ, наименьшее стараніе въ области вредной формалистики, только

улучшить и саму молодежь и ея свободныя творческія способности. Вторымъ важнымъ пунктомъ этого общества должно служить использование фонда на культурныя цѣли.

Намъ чрезвычайно желательно и нужно,—въ области удовлетворенія нашихъ научныхъ, этическихъ и эстетическихъ запросовъ,—выдвинуть на первый планъ организацію научныхъ экскурсій, поѣздокъ за границу, устройство лекцій и проч.

Мы не въ состояніи въ данной статьѣ выяснить точно и опредѣленно программу этой организаціи, во—первыхъ, за недостаткомъ мѣста, а во—вторыхъ, въ силу недостаточной уясненности деталей этой важной и сложной задачи. А потому ограничимся только общими замѣчаніями, выраженными пожеланіями. Мы намѣчаемъ лишь общій контуръ.

Намъ хотѣлось еще напомнить что, вопросъ о созданіи Студенческаго Дома, какъ болѣе совершенной и удовлетворяющей организаціи на манеръ заграницы, обсуждался не разъ въ студенческой средѣ. По этому поводу писалось какъ въ общей такъ и студенческой

прессѣ. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не пришли къ какому-либо соглашенію, къ положительнымъ результатамъ. По-видимому, отсутствіе средствъ играло главную роль въ неосуществленіи этого проекта во многихъ отношеніяхъ полезнаго. Намъ, въ данный моментъ, виднѣе, чѣмъ кому-либо, что осуществленіе общеобъединяющей организаціи не фикція. Она не замедлитъ появиться на свѣтъ, какъ только студенчество пойметъ всю полезность этого замысла. Съ окончаніемъ войны наступитъ пора залечиванія ранъ, пора лихорадочно-ускореннаго строительства.

Необходимо теперь же приступить къ осуществленію этого строительства. На сей разъ ограничимся краткими замѣчаніями. Беспорядочный набросокъ хотя и туманныхъ мазковъ даетъ приблизительно вѣрную картину. И опытный, чуткій пойметъ насъ, а понявъ и поможетъ разобраться въ этомъ насущномъ вопросѣ.

Студентъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Perpetuum mobile.

Никоновъ срѣзлся на экзаменѣ по биологіи.

— „Чортъ знаетъ“, говорилъ онъ про себя, вкладывая руки въ рукава пальто, которое ему подавалъ служитель Иванъ, „Изъ-за какой-то регенераціи гонять, безобразіе!“

— „Не повезло, баринъ!“ сочувственно спрашиваетъ Иванъ, догадываясь въ чемъ дѣло.

— „Давайте калоши“, рѣзко говоритъ Никоновъ. Но потомъ смягчается.— „Понимаете ли вы, что отпаденіе и восстановление хвоста у ящерицы, есть примѣръ регенераціи, и только этого не зналъ“, пробуетъ онъ оправдаться передъ Иваномъ.

— „Конечное дѣло! Этой дряни вездѣ много“... начинаетъ Иванъ. „Вотъ у меня, на примѣръ, въ подвалѣ... какъ только сырость, дѣкъ онѣ, паскудныя, изо всѣхъ угловъ такъ и прутъ, такъ и прутъ... да... а вотъ у Агафона Дмитрича такъ“...

Но Никоновъ уже далеко. Съ силой онъ открываетъ дверь Университета и не менѣе страстно хлопаетъ ею.

На улицѣ моросить дождь.

— „Только за регенерацію“...

Встрѣчаетъ товарища однокурсника.

— „Товарищъ! экзаменъ по биологіи уже кончился?“, спрашиваетъ онъ Никонова. Послѣдній, ни слова не говоря, развертываетъ курсъ биологіи, находитъ VIII-ю главу и указываетъ 235-ю страницу. — „Смотрите!“ бѣшено тыкая пальцемъ, говоритъ онъ, „смотрите! Только за регенерацію этой скотины! А остальное все зналъ, Ей-Богу все зналъ“ спѣшитъ онъ добавить. Однако

онъ не говоритъ, что не зналъ химическаго строенія протоплазмы и не имѣлъ представленія о каріокинезѣ; онъ запомнилъ только послѣдній вопросъ, который по своей легкости долженъ былъ спасти его.

Товарищъ блѣднѣя жметъ ему руку и произноситъ: „Я тоже иду экзаменоваться. А онъ позволилъ вамъ притти въ слѣдующій понедѣльникъ?“

— „Позволилъ“, мрачно произноситъ Никоновъ.

Садясь въ трамвай, онъ нервничаетъ, дѣлая замѣчанія въ пространство, вродѣ: „чортъ знаетъ, какъ у насъ медленно движется трамвай“. Объясняетъ кондуктору, что по русски говорится „нѣтъ мѣсть“, а не „нѣтъ мѣстовъ“. Обзываетъ какую-то даму въ допотопной перелинкѣ и полинялой шляпкѣ „безхвостой ящерицей“... Въ общемъ ему предлагаютъ добровольно покинуть вагонъ, что онъ и дѣлаетъ, смѣривъ предварительно всѣхъ презрительнымъ взглядомъ.

Потомъ онъ начинаетъ злобно насвистывать, обращая на себя вниманіе прохожихъ. Нарочно не уступаетъ имъ дорогу и громко стучитъ палкой по панели.

Въ такомъ состояніи онъ приходитъ къ себѣ въ комнату. Садится. Нѣкоторое время печально смотритъ въ одну точку въ окно. Потомъ порывисто вскакиваетъ, произноситъ почему-то трагическимъ голосомъ: „Эхъ, жизнь!!!“ и, открывъ первую страницу биологіи, начинаетъ зубрить до слѣдующаго понедѣльника.

Мих. Вит. Морозовъ.

Вотъ я вся. Какъ огонь.
Обожжешься—не тронь!
Прозвучу, словно трель,
Перевьюсь—вешній хмель—
Я-ль не гибкая?

* * *

Звонъ. Трезвонъ. Перезвонъ.
Взлеты. Взмахи. Уклонъ.
Перемѣнчивость—дымъ...
О, попробуй—взлетимъ!
Я-ль не легкая?

* * *

Заблещу въ темнотѣ,
Будешь вторить мечтѣ...
Полетимъ, полетимъ,
Какъ струна зазвучимъ—
Я-ль не звонкая?

* * *

Вотъ я—вся, какъ весна,
Какъ цвѣтокъ послѣ сна...
Обожгу—отойди!
Хорошо впереди—
Я-ль не быстрая?

* * *

Захочу—зазвучу
И въ догонку лучу,
Серебромъ засмѣюсь...
Заплетусь, всколыхнусь—
Паутинкою.

С. Раевская.

НОЧНЫЯ ВИДѢНІЯ.

Тихо въ больницѣ...

Длинный корридоръ, потонувшій во мракѣ и освѣщенный одной чуть мерцающей лампочкой, кажется безконечнымъ. Лишь бѣлѣютъ въ немъ кое-гдѣ полуоткрытыя двери палатъ, у одной изъ которыхъ дремлетъ на стулѣ сидѣлка. Громко тикаютъ въ концѣ корридора часы и напряженно внимаютъ ихъ стукъ тишина.

Давно умолкнулъ день полный заботъ и тревоги и сонный покой спустился въ больничныя палаты, смѣнивъ собой дневной шумъ. Чуть трепещетъ въ одной изъ нихъ красноватый огонекъ лампадки, то вспыхиваетъ ярко, то замираетъ, точно боится обнаружить всю ту бездну страданія, которое молчаливо притаилось здѣсь.

Тихонько, на ципочкахъ, чтобъ не разбудить раненыхъ подошла къ лампадкѣ дежурная сестра и поправила фитиль. Огонекъ дрогнулъ, потомъ радостно вспыхнулъ и ровнымъ свѣтомъ разлился по комнатамъ, озаряя ярко кроткій образъ Божіей Матери съ младенцемъ въ рукахъ и фигуры спящихъ. Спускаясь съ табуретки сестра замѣтила, что одинъ изъ раненыхъ не спитъ. Закинувъ руки за голову онъ машинально слѣдилъ за ея движеніями глазами.

— Что не спится вамъ, Гурскій? ласково спросила сестра, подойдя къ его постели и склонившись надъ нимъ.

— Дайте я компрессъ перемѣню, можетъ онъ беспокоитъ васъ?

— Нѣтъ сестрица, не надо.

Раненый приподнялся на локоть и съ минуту прислушался.

— Ишь, какъ вѣтеръ шумитъ...

Дѣйствительно, вѣтеръ стоналъ и рвался за окномъ, бросая въ стекла острия, мелкія капли дождя. И съ каждымъ порывомъ его слышно было, какъ трепетали и бились за окномъ мокрая, голая вѣтки деревьевъ, а огонекъ въ лампадкѣ пугливо мерцалъ, бросая неровныя тѣни на лицо Гурскаго.

— Охъ, сестрица! вздохнулъ раненый, часто, бывало, приходилось намъ въ такую непогоду проводить бессонныя ночи въ окопахъ. Лежишь на голой землѣ. Холодно, сыро... Ночь, какъ могила темная, а дождь такъ и хлещетъ. Прижмемся, бывало, тѣснѣе другъ къ другу, чтобъ хоть немного согрѣться и дремлемъ такъ до утра. А утро придетъ, некогда обсушиться: уже свистятъ и рвутся надъ головой снаряды, того и гляди, что одинъ изъ нихъ въ тебя ударитъ...

— Зато сейчасъ тепло, Гурскій, и спать надо, шепчетъ сестра, заботливо прикрывая раненаго одѣяломъ.—Спите же, голубчикъ!

Новый рѣзкій порывъ вѣтра рванулся за окномъ. Зазвенѣли стекла и слегка дрогнули шторы.

Сестра подошла къ окну и задер-

нула ихъ плотнѣе. Чей то громкій голосъ, вдругъ рѣзко нарушившій молчаніе ночи, заставилъ ее вздрогнуть и оглянуться.

— Кто это тамъ? Кто зоветъ? тревожно шепнула сестра, но отвѣта не было.

Въ глубинѣ комнаты бѣлѣла на кровати чья то фигура, безпокойно размахивая руками и что то бормоча себѣ подъ носъ. Сестра подошла къ постели раненаго и окликнула его по имени.

— Василій!

Не получая отвѣта, убѣдилась, что онъ бредитъ во снѣ. Глаза его были слегка полуоткрыты, а неподвижное бородатое лицо иногда передергивалось и онъ начиналъ быстро шептать какіе то непонятные слова и обрывки фразъ.

— Успокойтесь Василій, прилягте. Вонъ голова какая горячая! Прикосновеніе къ пылающему лбу мягкой, прохладной руки сестры повидимому успокоило раненаго. Онъ сразу затихъ и послушно, какъ ребенокъ, опустился на подушки. Потомъ открылъ глаза и долго, недоумѣвающе оглядывался вокругъ, видимо не отдавая себѣ еще яснаго отчета въ окружающемъ. Приснилось вамъ что то? улыбаясь спросила сестра, глядя на его по дѣтски растерянное лицо.

— Да, „они“ все, проклятые, снятся; каждую ночь съ ними воюю!— усмѣхнулся раненый.

— Кто „они“? Нѣмцы должно быть? Даже здѣсь въ тишинѣ больничныхъ палатъ тревожили его покой. Глубоко видно врѣзались въ память картины боя. Скоро ужъ мѣсяць, какъ Василій Темчукъ лежитъ въ больницѣ, медленно оправляясь отъ тяжелаго перелома бедренной кости.

Кость уже срослась, зато одна нога оказалась на много короче другой. Се-

годня утромъ докторъ разрѣшилъ ему въ первый разъ пройтись по палатѣ. Сильно хромая, Темчукъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но вскорѣ вернулся къ своей постели поблѣднѣвшій, усталый, но по дѣтски счастливый отъ своихъ первыхъ шаговъ.

Товарищи вмѣстѣ съ нимъ праздновали его воскресеніе, добродушно подсмѣиваясь надъ его новой, „генеральской“ походкой.

Каждая маленькая радость, каждое легкое огорченіе дѣлались здѣсь, въ этомъ замкнутомъ больничномъ кругу, общими. Страданіе сомкнуло всѣхъ въ одну дружную семью безъ различія національностей и возрастовъ.

— Неужели это та, прежняя сѣрая, безличная масса, подъ которой я представляла себѣ народъ, думала сестра, съ любовью оглядывая знакомыя лица раненыхъ, ставшихъ ей уже почти родными. Когда же проснулася эта масса, когда успѣла вырости до сознательнаго яркаго подъема!

Какъ могло случиться, что вчерашній незамѣтный, сѣрый мужикъ, сегодня сталъ вдругъ героемъ, жертвуя во имя своей родины и ближнихъ самымъ дорогимъ и святымъ для него, даже своей собственной жизнью! Откуда черпается вся эта глубина мужественнаго терпѣнія, преданности и самопожертвованія, въ которыхъ приходится убѣждаться каждый день при перевязкѣ ранъ и слушая рассказы раненыхъ!..

Невольно передъ глазами сестры мелькнулъ образъ жизнерадостнаго, на рѣдкость терпѣливаго солдата. Съ раздробленной разрывной пулей ногой спокойно лежитъ онъ на перевязочномъ столѣ, пока докторъ и бѣлая стая сестеръ суетились около его обезображенной двумя глубокими ранами ноги.

Лежить и самъ себя успокаиваетъ, поглаживая по груди свободной рукой.

— Ничего, пустяки...

А открытое русское лицо свѣтится при этомъ какой то радостью и не то молятся, не то смѣются его маленькіе, сѣрые глаза, скользя по бѣлому блестящему потолку перевязочной.

— Развѣ Вамъ не больно? удивилась сестра.

— Нѣтъ сестрица. — Смотрите, кивнулъ онъ головой на крошечный солнечный зайчикъ, шаловливо скользящій по потолку.

— Говорить, а самъ смѣется.

— Ишь ты, проворный какой! — Гляжу на него и точно забываю обо всемъ, точно ухожу куда-то далеко...

На минуту вдругъ замеръ, поблѣднѣвшій съ плотно сжатыми губами, какъ будто прислушался къ чему то, не въ силахъ подавить жгучую боль въ ногѣ, когда докторъ тонкой палочкой съ іодомъ провель по его широкой, почти до кости открытой, ранѣ.

Потомъ улыбнулся опять весело и радостно, какъ ни въ чемъ небывало.

— Здорово жжетъ... — Видно мнѣ іодомъ мазнули, сестрица?

Все сильнѣе стонетъ непогода за окномъ. Крупныя капли дождя рѣзко барабанили среди тишины по стеклу. Все сильнѣе рвется и свиститъ вѣтеръ. И съ каждымъ порывомъ его отъ сотрясенія пугливо мигаетъ и дрожитъ огонекъ въ лампадкѣ.

Сестра задремала, сидя въ большемъ деревянномъ креслѣ, опершись головой на руку. Стѣной окружили ее ночныя видѣнія и вздрагиваетъ слегка ея бѣлая фигурка, прижимаясь плотнѣе къ спинкѣ кресла.

Но чей то шопоть тревожитъ ея чуткій сонъ.

Открыла глаза и прислушалась. До напряженнаго слуха ясно донеслись обрывки какихъ то словъ.

Опять бредитъ кто-нибудь или молится... подумала она.

Прошла тихонько ряды спящихъ и остановилась у кровати, откуда доносился шопоть.

Тутъ лежитъ самый жуткій больной, жуткій своей тайной, которая застыла въ его расширенныхъ зрачкахъ...

Разорвавшимся снарядомъ его ударило въ голову, оглушило, и засыпало мелкими осколками ему спину и руки.

Съ тѣхъ поръ онъ почти оглохъ. Лежалъ неподвижно и молчаливо цѣлыми днями на постели, равнодушно смотря въ одну точку. И не то ужасъ, не то удивленіе выражало молодое, еще безусое лицо. Можетъ сама смерть холоднымъ дыханіемъ коснулась его и помutila впечатлительную душу.

Товарищи въ больницѣ слегка сторонились этого раненаго и повидимому боялись его. Онъ казался имъ въ своемъ упорномъ молчаніи страшнымъ и непонятнымъ.

Тронутый онъ у насъ... Говорили они, сочувственно вздыхая каждому постороннему посѣтителю, который пытался заговорить съ нимъ.

Сестра подошла почти вплотную къ его постели и поразила, услыхавъ ясно слова молитвы, которую шепталь раненый, не промолвившій до сихъ поръ ни одного слова.

Радостно дрогнуло у ней сердце въ груди.

Неужели послѣ долгаго, жуткаго мрака проснулось наконецъ сознание? Боялась повѣрить этому.

Съ горячей, вдругъ вспыхнувшей вѣрой въ душѣ, сестра подняла глаза на образъ Божьей Матери.

Помоги ему Пресвятая! Не дай по-
гибнуть. Пусть увидитъ онъ зарю новой
жизни. Вотъ ужъ брызжетъ ея свѣтъ...

Скоро радостной, свѣтлой волной
разольется она по землѣ. Умолкнетъ
страданіе и высоко поднимется знамя
новой жизни, сознательной яркой жизни
во имя мира, любви и труда...

Хотѣлось окликнуть раненаго, но

боялась спугнуть вспыхнувшую искорку.
Раненый должно быть самъ почувство-
валъ чье то присутствіе и медленно
повернулся къ сестрѣ. Что то въ родѣ
улыбки мелькнуло на его блѣдныхъ
губахъ, а глаза взглянули въ первый
разъ сознательно и ясно.

Н. Шишова.

ПОЭЗА.

Поруганъ храмъ...

И я одинъ, одинъ въ холодныхъ плитахъ...

Зачѣмъ такъ много отдано богамъ?

Зачѣмъ такъ много здѣсь убитыхъ?

Поруганъ храмъ...

Гдѣ Апполонъ?

Гдѣ жертвенникъ? гдѣ урны? гдѣ святыни?

И гдѣ, и гдѣ священный бѣлый слонъ?

Пустыннѣй темный храмъ пустыни,

Гдѣ Апполонъ?

Поруганъ храмъ...

И смѣхъ дрожить въ неотзвучавшей пѣснѣ...

Я отомщу измѣнникамъ—жрецамъ!

Великій Апполонъ, воскресни!

Поруганъ храмъ...

Александръ Толмачевъ.

Стансы.

Сегодня вѣрю въ жизнь, а завтра съ пистолетомъ
Рѣшаю хладнокровно—въ чемъ моя судьба,
И сталь холодная недвижно ждетъ у лба
Рѣшенья въ сердцѣ несогрѣтомъ.

*

* * *

Такъ жизнь мою въ порывахъ провожу
И на черту грядущаго гляжу безцѣльно,
То счастье знойное мятежно сторожу,
То на груди таю ударъ смертельный,

*

* * *

Подчасъ задумчиво гляжу на образа
И вѣрю въ благодать высшаго Покрова,
Но ликъ Его бездушно и сурово
Глядитъ съ кіота... Падаеть слеза

*

* * *

Съ угасшею надеждой въ примиренье,
И часто самъ, среди земныхъ тревогъ,
Ищу завѣтнаго, желаннаго забвенья,
А мѣръ развратенъ, холоденъ и строгъ.

*

* * *

Душа тревожная живетъ попеременно
Лучистой радостью, отчаяньемъ, мольбой,
Тоской безцѣльною—и бьется, бьется плѣнно
Мятежный духъ, но живъ этой борьбой.

*

* * *

Борьба—мой стягъ, мое очарованье,
Борьба—моя мечта, съ которой можно жить,
Но цѣль завѣтная всего существованья—
Борясь и падая, быть-можетъ... побѣдить.

Александръ Дроздовъ.

Курбанъ.

I.

Это въ сущности своей, но болѣе во внѣшности и по своему костюму былъ самымъ обыкновеннымъ, зауряднѣйшимъ Курбаномъ.

Точно такимъ Курбаномъ, какъ и всѣ тѣ, что въ любой моментъ, въ любое время года, въ любомъ Туркестанскомъ городѣ можно видѣть или сидящимъ верхомъ на впряженной въ арбу лошади и распѣвающимъ свою традиционную монотоннѣйшую изъ монотонныхъ пѣсенку, подъ специфическій скрипъ патриархальной арбы; или быстро сѣменящимъ босыми закорузлыми ногами по жидкой холодной осенней грязи, гнущимся и кряхтящимъ подъ тяжестью нагруженнаго на его спину пуда съ три картофеля, или иного какого-нибудь продукта, который онъ съ базара за 4 копейки долженъ доставить на квартиру своего нанимателя. А лѣтомъ всюду множество такихъ Курбановъ, не зная устали, не видя отдыха съ ранняго утра до поздняго вечера, съ кетменемъ ¹⁾ въ рукахъ не разгибаютъ спины, работая въ полѣ подъ знойными лучами беспощаднаго солнца надъ окучкой хлопчатника. Однимъ словомъ, на первый взглядъ мой Курбанъ ничѣмъ не отличался ни отъ одного изъ тѣхъ Курбановъ, которыхъ мнѣ когда-либо приходилось встрѣчать на своемъ вѣку.

Мало того,—онъ точно такъ же похо-

дилъ на любого Юсупа, Ахмеда, Юлдаша, Шакира и Юнуса, отличаясь отъ нихъ развѣ только своимъ, да и то далеко не оригинальнымъ, именемъ.

Его слегка скуластое рябое лицо съ сѣро-голубыми, мутноватыми глазами, всегда (особенно по пятницамъ) до блеска бритая голова, покрытая скромной, дешевенькой тибетейкой и не помнящей за необычайной давностью творца ватный халатъ на плечахъ,— все это самымъ убѣдительнымъ образомъ доказывало справедливость моего только что изложеннаго убѣжденія.

Когда этотъ Курбанъ, совсѣмъ еще мальчикомъ съ едва пробивающейся рыжей беспорядочной бородкой на щекахъ и шеѣ, впервые появился у насъ на кухнѣ, насъ ребятъ, и меня, тогда шестилѣтняго мальчугана, въ частности, обуялъ неимоверный страхъ.

Первая моя встрѣча и знакомство съ нимъ произошли при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Прокравшись разъ очень удачно на кухню, совершенно незамѣченнымъ кухаркой Агафьей, возившейся надъ чѣмъ-то во дворѣ, съ тѣмъ, чтобы утянуть у нея со стола чистый ножъ для своихъ кое-какихъ надобностей, я считалъ уже цѣль достигнутой. Слѣдя для большей безопасности въ окно за движениями Агафьи, я уже протянулъ было руку за хорошенькимъ, блестящимъ ножомъ, какъ вдругъ, отпрянувъ съ разинутымъ отъ ужаса ртомъ и маши-

¹⁾ Кетмень—сартовская мотыга.

нально закрывъ руками глаза, на мгновение замеръ, кажется, въ очень странной и смѣшной позѣ, какъ будто готовясь защититься отъ чьего-то нападенія... Затѣмъ съ криками: „Агафья, Агафья!“ бросился вонъ изъ кухни и черезъ мигъ былъ въ комнатахъ, гдѣ съ блѣднымъ лицомъ, съ трясущимися руками и колѣнками, дрожащимъ и взволнованнымъ голосомъ таинственно сообщалъ первой попавшейся мнѣ навстрѣчу немного младшей меня сестрѣ: „Не ходи, Лелька, на кухню! Тамъ, знаешь... Тамъ бабайка страшный такой сидитъ... съ мѣшкомъ!.. Навѣрно Агафью унести хочетъ!“

Достаточно было мнѣ высказать это ни на чемъ, собственно, не обоснованное предположеніе, чтобы передать Еленѣ свое настроеніе.

Всплеснувъ трагически руками, она вдругъ бросилась отъ меня, неистово пища:

— „Мама, мама! Агафью бабайка съѣлъ!“

— „Какъ съѣлъ?!“ обсуждалъ между тѣмъ я: „съ чего она взяла“. А впрочемъ, теперь навѣрно и правда уже съѣлъ“...

— „Мама!“ присоединился и какъ воплямъ сестры: „Мама! бабайка Агафью съѣлъ. Я самъ видалъ!“

— „И ты тоже, мужчина!“ не безъ укоризны въ тонѣ, но ласково сказала мама, подходя ко мнѣ и беря меня за руку:

— „Пойдемъ, пойдемъ, покажи, гдѣ это ты видалъ такое страшное?!“

— „На кухнѣ“, плаксиво отвѣчалъ я, увлекаемый ею вмѣстѣ съ сестрой къ двери, ведущей въ это злополучное мѣсто — кухню.

— „Вотъ безстрашная!..“ размышлялъ я. „Ничего, ничего не боится!“ Мама для меня всегда являлась идеаломъ

отваги и совсѣмъ не свойственной, казалось мнѣ, людямъ смѣлости. Я не вѣрилъ глазамъ, когда видѣлъ ее безо всякаго намека на страхъ, спокойно объясняющейся съ сосѣдскимъ поваромъ (тоже бабайкой), ходившимъ постоянно съ такимъ ужаснымъ ножомъ на поясѣ, или такъ же хладнокровно уносящей изъ подъ самага носа Агафьи чистый и лучшій столовый ножъ.

И около мамы я самъ становился безумно смѣлымъ во всемъ, во всемъ... Сама Агафья нисколько не пугала меня тогда...

Мы у кухни. Не знающая страха мама, втащила насъ туда, упирающихся съ замершими сердцами за собою, и мы въ одинъ голосъ неистово радостно завопили:

— „Агафья! Агафья!“

Какъ то и ни было странно, а передъ нами въ самомъ дѣлѣ стояла живая, настоящая Агафья.

— „Что у тебя здѣсь случилось“, обратилась къ ней мама, унимая насъ и не позволяя намъ броситься въ объятья бѣдной Агафьи.

— „Да вотъ, барыня, пришелъ сартишка какой-то и сидитъ ужъ битый часъ! Лѣшій его знаетъ, что ему здѣсь надо. По-русски ни бельмеса не понимаетъ“.

— „Нима киракъ?“¹⁾ строго спросила мама сарта.

— „Тюра!“²⁾ Немного смущенно отвѣчалъ тотъ, зачѣмъ-то махнувъ рукой.

— „Нѣтъ тюра! Тюра конторъ пошелъ“... съ чисто сартовскимъ акцентомъ объяснила ему мама: „айда, кить своя кибить“³⁾ и очень понятно указала ему рукой на дверь.

1) Что надо?

2) Баринъ.

3) Уходи домой!

Сартъ громко и виновато чему-то за-смѣялся, но ничѣмъ не проявилъ своего намѣренія повиноваться. Все такъ же сидѣлъ онъ на табуреткѣ, забравшись на нее съ ногами, и только сплюнулъ въ сторону прямо на полъ носовой⁴⁾.

— „Може баринъ его прислалъ, барыня?“ догадалась Агафья:

— „Эй, тебя... тюря... конторъ?..“ отчаянно жестикулируя обратилась она уже къ сарту.

— „А! Конторъ, конторъ... тюря“, радостно закивалъ онъ въ отвѣтъ и отъ удовольствія, что наконецъ-то его поняли, даже спустилъ одну ногу съ табуретки на полъ и дружелюбно подмигнулъ мнѣ правымъ глазомъ.

Это и былъ Курбанъ.

Вернувшійся вечеромъ съ занятій отецъ подтвердилъ, что Курбанъ на самомъ дѣлѣ присланъ имъ изъ конторы, куда тотъ явился просить какого нибудь мѣста. Онъ же рассказалъ вкратцѣ Курбанову біографію, которую самъ услышалъ отъ него сегодня утромъ.

Курбанъ оказался сыномъ бѣднаго земледѣльца, своими трудами и щедротами, отъ полъ-десятины хлопчатника, кормившагося, кормившаго жену и—единственнаго сына Курбана. Мать Курбана умерла, когда ему было всего три года, и съ той поры онъ росъ, предоставленный всецѣло самому себѣ и заботамъ односельчанъ — Ногай-Кургановцевъ.

Пять лѣтъ тому назадъ умеръ и отецъ Курбана, оставивъ ему полдесятины, мальнѣй дворикъ съ полуразвалинами, вмѣсто жилой постройки въ селѣ.

Курбановъ участокъ, не зная пара, скоро отоцалъ и съ каждымъ годомъ давалъ все меньшій и меньшій урожай. А два послѣднихъ года Курбанъ не только не получалъ съ него никакой прибыли, но еще и влѣзъ въ значительный долгъ, за который у него и отобрали послѣднюю землю.

Бросилъ онъ тогда свой Ногай-Курганъ и отправился въ городъ искать заработка. Кто-то тамъ направилъ его въ контору отца, гдѣ Курбанъ и былъ нанятъ имъ къ намъ во дворъ въ качествѣ малайки, каковое званіе вмѣняло ему въ обязанность блюсти чистоту двора и сада и быть всегда готовымъ къ различнымъ мелкимъ порученіямъ. Надо ли говорить о томъ, что послѣ этого Курбанъ пересталъ быть для меня сколько-нибудь страшнымъ. Напротивъ, мнѣ было безконечно жаль сироту, хотѣлось какъ-нибудь его утѣшить, приласкать, обѣщать любить. Мы четверо: я, Елена и еще братъ и сестра, уже гимназистъ и гимназистка I класса, поникли головами, когда отецъ кончилъ трогательную Курбанову повѣсть, а Елена, самая сантиментальная изъ насъ, даже захныкала, охваченная неподдѣльною жалостью къ бѣдному, несчастному Курбану.

Всѣ мы плохо въ этотъ день обѣдали, занятые каждый своими мыслями объ одномъ и томъ же Курбанѣ.

„Бѣдный“, думалось мнѣ: „Какъ онъ навѣрное сейчасъ тамъ плачетъ на кухнѣ... Безъ папы, безъ мамы, голодный... Непремѣнно, непременно надо пойти къ нему, уговорить его“...

Послѣ обѣда я подѣлился своимъ рѣшеніемъ съ братомъ—Горкой, и, послѣ небольшого совѣщанія, мы тутъ же отправились на кухню утѣшать бѣднаго, плачущаго Курбана.

⁴⁾ Зеленый табакъ, который сарты кладутъ подъ языкъ.

Каково же было наше изумленіе, когда онъ предсталъ передъ нами въ совершенно иномъ видѣ. Преспокойно онъ стоялъ у таза съ горячей водой и, громко распѣвая тоненькимъ голоскомъ какую-то безсловесную пѣсенку, неуклюже и неумѣло вытиралъ обѣденныя тарелки. Это на первыхъ порахъ даже рѣшительно разочаровало насъ въ Курбанѣ.

Такъ и впредь, сколько я помню, Курбанъ ни разу ни чѣмъ не выражалъ намъ своего одиночества, своей заброшенности или просто того, чтобы онъ сколько-нибудь былъ недоволенъ своей судьбой... Напротивъ, всегда веселый, бодрый, подвижной и большой хохотунъ, онъ ничего не могъ дѣлать безъ пѣсни. Чистить ли ножи, мететь ли дворъ, мыть ли посуду,—и все поетъ, поетъ.

Черезъ годъ — два Курбанъ сталъ неузнаваемъ: уже свободно, хотя и коверканнымъ до-нельзя языкомъ, говорить по русски, научился у Агафьи разнымъ русскимъ пословицамъ и поговоркамъ, которыя впрочемъ въ его передачѣ теряли всякій смыслъ, усердно, ловко и съ любовью помогаетъ кухаркѣ въстряпнѣ, охотно каждый день провожаетъ всѣхъ насъ въ школы и гимназіи, неумолчно болтая дорогой и рассказывая намъ всякія завѣдомо для насъ небылицы изъ своей жизни, ѣздитъ съ мамой за покупками на базаръ и по магазинамъ.

И всюду успѣваетъ, и всякое порученіе исполнить такъ, какъ никто другой не сдѣлаетъ.

Во всемъ нашемъ саду и дворѣ—ни соринки,—все тщательно выметено и подобрано; деревья, гдѣ нужно, подрѣзаны, цвѣтникъ и розы всегда во время и обильно политы.

Всюду, благодаря чистоплотному

Курбанову глазу, царить образцовѣйшій порядокъ.

За то и любили же мы всѣ его, что онъ, правда, и цѣнилъ и чѣмъ дорожилъ больше всѣхъ другихъ благъ и удобствъ, какими у насъ пользовался.

Бывало заболѣетъ Курбанъ, день-другой не слышать изъ кухни его пѣсни,—и во всемъ домѣ, какъ по чьему-то строжайшему приказу, водворяется гробовая тишина: никто не смѣетъ ни кричать, ни шалить: всѣ въ уныніи, и въ любомъ дневникѣ уже не трудно отыскать двойку.

Не грѣшно ли думать о пустякахъ-урокахъ, когда въ домѣ такое горе.

Какъ-то въ одномъ изъ такихъ случаевъ, когда Курбанъ уже нѣсколько дней не вставалъ съ постели, въ школѣ на Законѣ Божіемъ батюшкѣ вздумалось вызвать меня отвѣчать урокъ.

— „Не училъ урока, батюшка!“ смѣло и гордо заявилъ я ему.

— „Это почему?“

— „Не могъ. Курбанъ у насъ хвораеть!“

— „Кто, кто хвораеть?“

— „Курбанъ, нашъ малайка“.

Весь классъ прыснулъ со смѣху, а батюшка, сдерживаясь и добродушно останавливая учениковъ, залѣпилъ мнѣ въ журналъ единицу.

Было ли то актомъ его безсердечности или просто желаніе насолить мнѣ,—я очень долго не могъ понять. Охотнѣй склонялся я ко второму допущенію, ибо слишкомъ былъ увѣренъ въ особенной убѣдительности и уважительности своего оправданія...

И наоборотъ, заболѣй кто-нибудь изъ насъ,—и Курбанъ буквально теряетъ всякій покой, не видя его даже ночью.

Я не знаю ни одной сидѣлки, которая могла-бы равняться съ нимъ въ необык-

новенномъ терпѣніи, добросовѣстности въ исполненіи докучливыхъ обязанностей сестры милосердія, умѣніи удовлетворить всѣмъ капризамъ больного и ласковымъ словомъ утѣшить его даже физическія страданія.

Съ быстротою лучшаго рысака Курбанъ сбѣгаетъ въ городъ за докторомъ, затѣмъ съ рецептомъ въ аптеку, грѣетъ безпрестанно на всякій случай самоваръ и любовно помогаетъ мамѣ во всѣхъ операціяхъ по указанію доктора надъ нашими бѣдными животами, спинами и горлами.

Случалось, что иногда во время какого-нибудь ужъ очень непріятнаго смазыванія горла перышкомъ или иной какой мерзостью, Курбану и прилетала звонкая пощечина, или сорванная въ гнѣвъ больнымъ съ головы его тубетейка на полъ...

Но Курбанъ никогда долго не сердился на насъ, хотя и отличался болѣзненнымъ самолюбіемъ, и быстро забывалъ подобныя обиды.

Въ обычное же время мы всѣ были съ Курбаномъ чрезвычайно дружны и во всемъ старались угождать ему, чего бы то не стоило.

Какъ то Курбанъ выразилъ желаніе научиться русской грамотѣ,—и въ тотъ же день въ стѣнахъ нашего дома уже была учреждена и открыта „бесплатная школа для сартовъ“, директоромъ которой и главнымъ преподавателемъ торжественно провозгласилъ себя 13-ти лѣтній Георгій, а сестру Марію, третьеклассницу, оффиціальной бумагой назначилъ инспекторомъ и учителемъ ариеметики, въ которой онъ чувствовалъ себя не очень сильнымъ.

Намъ съ Еленой было отказано въ просьбѣ быть принятыми на службу, за неимѣніемъ свободныхъ кафедръ.

Папу избрали попечителемъ.

Тогда же начались занятія.

Первымъ дѣломъ на двери каморки Курбана была наклеена большая бумага, съ начертанными на ней крупными буквами, говорившая всякому любопытному уму и глазу о томъ, что это уже не простой чуланъ, даже когда-то курятникъ, а „безыятная школа для сартовъ“.

Затѣмъ хозяинъ этой каморки былъ изгнанъ на кухню, и директоромъ ему было приказано явиться лишь послѣ 3-го звонка. Тутъ выяснилось, что и для меня еще имѣется свободная и очень интересная должность,—я былъ принятъ „сторожемъ“, что обязывало меня подавать звонки, ударяя чайной ложечкой о стаканъ.

Наконецъ всѣ приготовленія закончены, поданъ третій звонокъ,—входитъ улыбающійся Курбанъ.

Въ классѣ, какъ полагается, еще никого,—директоръ заблаговременно спрятался за кроватью. Черезъ минуту онъ вылѣзаетъ оттуда и важно съ журналомъ подъ мышкой выходитъ къ столу.

— „Здравствуйте, господа!“

Курбанъ удивленно смотритъ на него недоумѣвающими глазами.

— „Что же ты молчишь, Курбанъ? говори: здравствуйте, Георгій Михайловичъ!“

Курбанъ не можетъ выговорить отчества, путается.

— „Ничего, научишься! А ну ка посмотришь, кого сегодня нѣтъ въ классѣ!“ Важно и какъ ему самому кажется, очень строго, произноситъ директоръ, открывая журналъ: „Курбанъ Галиевъ“ выкрикиваетъ онъ басомъ.

— „А!“—мычитъ Курбанъ, не понимая въ чемъ тутъ дѣло.

— „Говори — здѣсь! Понимаешь — здѣсь“. Ну снова. Курбанъ Галиевъ!“

— „Издесь“ — произносить съ улыбкою смущенія Курбанъ къ великому удовольствію директора.

„— Вотъ какъ хорошо! Весь классъ сегодня въ сборѣ“, откашляваясь, довольно говоритъ Горка. „А что у насъ тутъ такое“, просматриваетъ онъ зачѣмъ-то журналъ: „Ага! посмотримъ, посмотримъ. Курбанъ Галіевъ!!!“

— „Издесь“ снова безтолково кричить съ мѣста Курбанъ не шевелясь.

— „Да нѣтъ же Курбанъ! Теперь не надо! Ты только встань!“

Курбанъ встаетъ, не понимая, къ чему все это продѣлывается.

— „Вотъ такъ!.. Пожалуйста отвѣчать урокъ! Ну, иди же сюда, Курбанъ! Тащи книжку!..“

Далѣе всѣ формальности, необходимыя и неизбѣжныя по убѣжденіямъ директора, отбрасываются, и приступаютъ къ чистой наукѣ.

Долго бьются они съ азбукой... Уже давнымъ давно пробило три звонка, каковыя правда подавались по моему личному усмотрѣнію; уже преподаватель ариѳметики три раза прибѣгалъ справиться о томъ, скоро ли ей можно являться на урокъ; приходила Агафья звать къ чаю, а они хоть бы что!.. — Не слышать и не видятъ никого и ничего. Оба потные, красные, взволнованные они водятъ пальцами по книгѣ, выкрикивая періодически въ одинъ голосъ буквы алфавита.

Только появленіе въ дверяхъ попечителя унимаетъ стыдливаго Курбана.

Папа проситъ сдѣлать перерывъ и итти къ чаю.

— „Ну, довольно, Галіевъ!“ — говоритъ директоръ: „Садись!“ и аккуратно выводитъ въ журналѣ противъ единственной въ немъ фамиліи Галіева красивую пятерку.

— „Сейчасъ будетъ большая перемена. Можешь итти въ садъ поиграть, позавтракать.“

— „Ему завтра вставать рано надо! вмѣшивается попечитель. Довольно на сегодня, Горочка!“

Это урезониваетъ брата, и не противорѣча и нисколько не растерявшись, онъ объявляетъ:

— „Да, вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать, Галіевъ! Ариѳметики сегодня не будетъ. Марія Михайловна нездорова. Можешь итти домой.“

Выполнивъ все по формѣ, директоръ закрываетъ журналъ, беретъ попечителя подъ руку, и оба не торопясь выходятъ изъ класса.

— „Ну, какъ вашъ ученикъ? спрашиваетъ папа.“

— „Ничего! даже очень способный! за одинъ урокъ мы съ нимъ уже полъ азбуки почти выучили!“

— „За что ты ему пятерку-то поставилъ?“

— „А какъ же папа?! А если онъ разсердится, да уйдетъ!“

Отецъ смѣется, треплетъ сына по щекѣ, и оба довольные другъ другомъ и, кажется, всѣмъ міромъ, садятся за столъ. Такъ Курбанъ Галіевъ началъ свое образованіе.

Черезъ недѣлю онъ уже отлично постигъ сущность всѣхъ даже самыхъ тонкихъ классныхъ обрядностей, зналъ хорошо азбуку и считалъ до тысячи.

Дальше, — больше, и черезъ годъ Курбанъ читалъ уже книги и газеты, причемъ въ послѣднихъ исключительно объявленія, какъ наиболѣе, на его взглядъ, интересный и доступный для усвоенія отдѣлъ.

Писать тоже умѣлъ и любилъ, и все свободное время посвящалъ списыванію съ чего попало.

На базаръ за покупками онъ теперь ни за что не ходилъ безъ записки съ подробнымъ перечнемъ того, что ему надо было приобрѣсти, тогда какъ вообще обладалъ великолѣпной памятью.

На двери его каморки, вмѣсто прежней вывѣски, красовалась аккуратная собственнаго производства карточка съ надписью: „Курбанъ Галиевъ“ съ исправленнымъ „и“ на „і“ и подчеркнутымъ два раза, по привычкѣ бывшимъ инспекторомъ „бесплатной школы для сартовъ“.

Ни одной вывѣски не оставалось въ городѣ, которой бы не прочелъ Курбанъ отъ начала до конца.

Разъ какъ-то, вернувшись изъ командировки по какому-то дѣлу на вокзалъ, онъ вытащилъ изъ за пазухи своей бумажку и протянулъ ее мнѣ, спрашивая, что написано. А тамъ Курбановой нетвердой еще рукой были начертаны буквы „Ср.-Аз. ж. д.“.

— „Средне-Азіатская желѣзная дорога“ перевозжу я ему, едва взглянувъ на бумажку.

— „Йе!“ вырвалось у Курбана вдругъ обычное сартовское выраженіе чрезвычайнаго удивленія: „А зачѣмъ тогда не все писалъ“?

— „А зачѣмъ все“?! объясню я ему: „и такъ понятно. И мѣста меньше занимаетъ, и писать много не надо“.

Его, повидимому, вполне удовлетворяетъ и даже радуетъ такое несложное объясненіе.

На другой же день, послѣ небольшой ссоры его съ Георгіемъ, бывшимъ главнымъ учителемъ и директоромъ столь солиднаго учрежденія, у входа въ Курбаново помѣщеніе уже вывѣшенъ плакатъ съ заглавными начертаніями: „И. Х. Н.“

Когда мы вечеромъ по обыкновенію

забрались къ нему въ гости и стали спрашивать, что это значитъ, онъ съ раздраженіемъ въ голосъ и нѣкоторымъ даже удивленіемъ пробурчалъ:— „Што ли самъ неграмотный“?! причемъ, судя по движенію его глазъ, слова относились всецѣло къ обидчику Георгію.

— „Ну, Курбанъ! Объясни пожалуйста!“ приставали мы, предчувствуя что-то очень веселое.

— „Чего объясни, объясни?! Самъ знаешь“!

— „Да не знаемъ же мы, Курбанъ“.

Долго, впрочемъ, просить его не пришлось. Взявъ карандашъ, онъ усѣлся на табуретку за столъ и, помусоливъ кончикъ карандаша, прямо на доскахъ стола вывелъ опять тоже таинственное „П“, спрашивая: „Ну, это чего будетъ“? Мы молчали. „И“ произнесъ, наконецъ, Георгій. „И“ передразнилъ его Курбанъ: „Еще образованный, еще гимназиска“!.. и пошелъ нашъ Курбанъ отчитывать брата. Пожуривъ, сколько было надо въ отместку за недавнюю обиду его за лѣнь и недобросовѣстность въ приготовленіи задаваемыхъ въ гимназій уроковъ, Курбанъ именно на это послѣднее обстоятельство указалъ, какъ на причину такой недогадливости его и незнанія русскаго языка.

Оказывается ребусъ этотъ: „И. Х. Н.“ и относится исключительно къ нему, Георгію, и долженъ былъ читаться такъ: „Издесь ходить нельзя!“

Вообще Курбанъ часто веселилъ насъ подобными анекдотическими выходками, каковыми онъ даже славился чуть не по всему городу, а черезъ то пользовался удивительной популярностью. Знали его не только всѣ наши сосѣди и знакомые и ближніе, и дальніе, но и буквально всѣ лавочники на базарѣ, повара и кухарки, въ бесѣдахъ съ ко-

торыми онъ зачастую проводилъ цѣлые часы и нерѣдко изъ-за этого являлся домой съ покупками много позже, чѣмъ то надлежало, за что получалъ отъ мамы и Агафьи строгіе выговоры...

Такъ цѣлыхъ семь лѣтъ вѣрно и честно служилъ въ нашемъ домѣ славный, забавный Курбанка (какъ онъ звался теперь своими пріятельницами — кухарками) на должности все того же малайки, сумѣвъ за этотъ срокъ при всей скудности своего жалованья, какъ онъ самъ не разъ хвалился намъ, сколотить кое-какой капиталецъ: цѣлыхъ 600 рублей.

На эти деньги мечталъ онъ привести въ послѣдствіи въ порядокъ свою хижину въ поселкѣ, непременно покрыть ее желѣзной крышей, какой тамъ ни у кого еще нѣтъ, и покрасить эту крышу зеленой краской. Передъ окнами у него будетъ разбитъ цвѣтникъ съ маргаритками, и георгинами, анютиными глазками и ночной красавицей... А на остальные деньги онъ купитъ себѣ хорошей земли и займется опять роднымъ промысломъ своего отца: посѣетъ рисъ, хлопокъ, и скоро станетъ первымъ богачемъ во всемъ Ногай-Курганѣ...

Затѣмъ онъ видѣлъ себя уже женатымъ въ кругу нѣсколькихъ человѣкъ своихъ дѣтей-гимназистовъ и гимназистокъ (непремѣнно гимназистовъ и гимназистокъ!), которые послѣ гимназіи у него должны стать у него инженерами, докторами и учительницами...

Дальше не шли мечты и фантазіи Курбана, или во всякомъ случаѣ въ изложеніи ихъ намъ на этомъ мѣстѣ онъ всегда останавливался. У него спирало тогда горло, захватывало духъ, глаза начинали лихорадочно блестѣть и блаженная улыбка обнажала ряды

крупныхъ здоровыхъ зубовъ... Онъ уже не могъ больше говорить ничего...

II.

Не знающій устал, честный, незамѣнимый работникъ, привыкшій къ намъ, какъ роднымъ, всѣми любимый и балуемый, Богъ вѣсть сколько бы еще времени прожилъ у насъ славный, забавный Курбанъ, если бы одно неприятнѣйшее происшествіе однажды не нарушило мира нашего дома и если бы это происшествіе не касалось такъ близко именно Курбана.

На кухнѣ случилась пропажа только что купленнаго для хозяйства цѣлаго пуда масла.

Заподозрить въ преступленіи кого-нибудь изъ прислугъ, а ихъ было всего двое,—Курбанъ и Агафья—никто бы никогда, даже сама мама, не рѣшался. Оба служатъ у насъ такъ долго, и ни одинъ ни разу не былъ замѣченъ ни въ чемъ подобномъ. Надо ли говорить еще и увѣрять читателя въ томъ, что вора надлежало искать и искали внѣ предѣловъ нашего двора. Скоро одной мамой найдено было ихъ человѣкъ шесть изъ сосѣдской прислуги, не отличавшейся, правда, особенной чистотой на руку, при чемъ на cadaго обвиняемаго имѣлось по цѣлой уймѣ вѣскихъ уликъ...

Валили на водовоза—несчастливаго, обтрепаннаго, больного старика-сарта, доставлявшаго ежедневно чуть-свѣтъ намъ воду изъ большого загороднаго арыка и выливавшаго ее въ глиняную корчагу, что стояла на кухнѣ и какъ разъ не далеко отъ ящика, на которомъ лежало еще вчера злополучное масло.

На немъ бы пожалуй и остановились подозрѣнія моихъ родителей со всѣми

ужасами его послѣдствій для несчастнаго водовоза...

Но тутъ внезапно произошелъ такой неожиданный поворотъ дѣла. Въ день пропажи, вечеромъ, когда мы уже укладывались спать, входитъ къ намъ вдругъ въ комнату Агафья и таинственно, съ хитрымъ лицомъ, манитъ маму пальцемъ: „Барыня, а барыня!“ говоритъ она шепотомъ: „идите-ка ко мнѣ на минутку, что я вамъ скажу!“

Мама закрываетъ книгу, съ которой она обыкновенно подолгу была въ дѣтской, пока мы не уснемъ, въ качествѣ блюстителя порядка, и уводитъ кухарку въ свою спальню.

— „Въ чемъ дѣло, Агафья?“ спрашиваетъ мама усаживаясь.

— „А въ томъ, барыня, что я знаю, кто у насъ масло укралъ! Сама собственными глазами видѣла!“

— „Кто же? Водовозъ? Навѣрное водовозъ?! Вѣдь я же говорила!“

— „То-то и оно, что немножко не водовозъ!“

„Кто же тогда, Агафья?“

— „Да никто другой, а вашъ возлюбленный Курбаночка!“ — Не безъ злорадства объявила наконецъ она.

— „Врешь ты, скверная!“ возмущенно закричала на нее мама: „Все это ты придумала отъ злости на то, что Курбана любятъ всѣ больше тебя!“

— „А что мнѣ прибыли-то отъ вашей любви“ — сдержала Агафья: „Только вотъ передъ Богомъ (она перекрестилась), лопни мой правый глазъ, если я соврала вамъ... Говорю вѣдь вамъ, барыня, сама видѣла.“

— Утромъ то сегодня встаю я ни свѣтъ, ни заря, а мнѣ тѣсто замѣсить надо! На дворъ то выхожу, — глядь, а у насъ арба, да у Курбанкиной комнаты и стоитъ... Я тутъ сразу и поняла въ

чемъ дѣло... Назадъ на кухню шмыгъ и гляжу въ окошко, что будетъ дальше... А они двое выходятъ, Курбанка да еще одинъ какой-то сартишка съ бородищей такой черной, и чего-то оба несутъ, въ синей тряпкѣ завернуто... Что это, думаю себѣ, онъ дѣлаетъ!.. Мнѣ и не въ домекъ... Уѣхалъ сартишка, а Курбанка ушелъ къ себѣ, да хмурый такой, да сердитый... Знать совѣсть мучить!.. На ящикъ-то взглянула, хватъ, — анъ масла и слѣдъ простылъ... Гуда, сюда, ищу, — нѣтъ масла. Тутъ мнѣ все и понятно стало!..“

— „Почему ты не говорила мнѣ этого днемъ?“ прерываетъ ее мама.

— „Что же по вашему, жизнь мнѣ не дорога, что ли, барыня!“ уже захныкала Агафья: „А какъ убьетъ! Вѣдь, вонъ онъ какой страшный!.. Кабы я врала вамъ, такъ что ли зря Курбанка сегодня весь день такой злой да упрямый былъ?!“

Мама вспоминаетъ Курбана за истекшій день и находитъ, что онъ дѣйствительно велъ себя какъ-то странно. Это уже окончательно разсѣиваетъ ея сомнѣнія, и она спѣшитъ подѣлиться новостью съ папой.

— „А какъ вы мнѣ не вѣрите, бараня“, останавливаетъ ее всхлипывающая Агафья: „столько лѣтъ служила вамъ вѣрой и правдой, то пожалуйста мнѣ сегодня же расчетъ!“

— „Что ты, Агафьюшка?! Господь съ тобой!“ воскликнула въ испугъ мама.

— „А то, барыня, что не могу больше я служить у васъ послѣ такого оскорбленія!“

— „Ты съ ума сошла, Агафья! Позови сюда барина!“ Черезъ минуту въ комнату вошелъ отецъ, а за нимъ въ дверяхъ потупившаяся Агафья.

Спокойно и молча выслушавъ маму

и, проговоривъ только сердито:— „Все это вздоръ!“ онъ рѣзко обратился къ кухаркѣ:

— „Сколько тебѣ причитается?“ вынимая бумажникъ,—спросилъ онъ.

Приготовившаяся было къ просьбамъ остаться, безконечнымъ уговорамъ, Агафья сначала растерялась, не знала, что говорить:

— „Какъ обидно то, какъ обидно!“ — заревѣла она вдругъ громко, вытирая фартукомъ глаза и сморкаясь въ него же.

— „Хорошо, хорошо... Потомъ на кухнѣ поплачешь! Сколько тебѣ?“ сердито говорилъ отецъ.

Агафья тутъ же получила деньги и, собравши свои монетки, уѣхала куда-то.

Весь разговоръ былъ ясно слышенъ намъ въ дѣтской, несмотря на запертую туда дверь, и, конечно, не могъ не взволновать насъ... Сознывая за чрезвычайностью происшествія всѣ выгоды и преимущества своего настоящаго положенія, я всталъ съ постели и быстро началъ одѣваться.

Натянувъ кое-какъ на босу ногу сапоги, я благополучно выбрался во дворъ и направился къ Курбановой каморкѣ. Противъ обыкновенія у него еще горѣлъ свѣтъ, а самъ Курбанъ облокотившись сидѣлъ за столомъ, погруженный въ раздумье.

— „Ты, Курбанка, зачѣмъ у насъ масло укралъ“?!—прямолинейно и безъ всякой задней мысли выпалилъ я ему съ плеча, заставивъ вздрогнуть его отъ неожиданности. Когда онъ взглянулъ на меня, я не узналъ Курбана: глаза налились кровью, лицо позеленѣло, брови сдвинулись и зло оскаленные зубы сдѣлали его больше похожимъ на разъяреннаго тигра.

— „Уходи! Уходи!“—сухо зрычалъ

онъ, готовый ринуться на меня и растерзать на мелкіе куски.

Мурашки пробѣжали у меня по спинѣ. Не заставляя себя долго просить, блѣдный, съ какимъ-то комомъ въ горлѣ, затруднявшимъ дыханіе, я бѣжалъ уже по двору обратно въ комнаты по дѣлиться съ братомъ страшнымъ впечатлѣніемъ.

На другой день утромъ Курбанъ пришелъ къ отцу и заявилъ, что больше служить у насъ не хочетъ.

— „Почему?“—ласково спросилъ папа.

— „Не хочу!“ упрямо твердилъ, тотъ, какъ попугай и на всѣ дальнѣйшіе разспросы, ничего не желая объяснить толкомъ. Убѣдившись въ томъ, что никакими доводами не сломить Курбанова упорства, папа, наконецъ, рассчиталъ и его. Уже завязывая деньги въ платокъ, который онъ носилъ на животѣ вмѣсто кушака, Курбанъ вдругъ, какъ бы ни къ кому собственно не обращаясь, проговорилъ тихо и зло:

— „Я масло не укралъ! Агафья масло укралъ!“

И не желая слушать отца, который сталъ было доказывать ему, что ни на минуту не сомнѣвался въ чистотѣ его въ этомъ темномъ дѣлѣ, хлопнувъ дверью, вышелъ во дворъ, а черезъ полъ-часа ужъ исчезъ со двора вовсе, никому ничего не сказавъ. Съ этого дня мы почти совершенно потеряли его изъ виду. Охватившему насъ въ началѣ горю не было границъ.

Елена по привычкѣ дня три поплакала, мы же, мужчины, только мрачными бродили изъ угла въ уголь, изъ комнатъ въ бывшее Курбаново обиталище, оттуда обратно на кухню, и трауръ нашъ тотчасъ же былъ запечатлѣнъ нѣсколькими двойками въ нашихъ дневникахъ...

Скучно стало въ домѣ безъ пѣсенъ и веселой, забавной вѣчной болтовни Курбана.

Годъ спустя отъ одного лавочника—Почай-Кургановца мама узнала, что Курбанъ поселился въ своемъ родномъ поселкѣ и, какъ мечталъ когда-то, отремонтировалъ свой домикъ, покрывъ его новой яркой зеленой крышей.

Изрѣдка изъ того же источника доходили до насъ и далѣе кое-какія вѣсти о Курбанѣ.

Онъ осуществилъ уже почти всю свою программу, которою, такъ часто въ хорошія былыя времена любилъ дѣлиться съ нами—ребятами.

Курбанъ женился и уже имѣлъ ребенка—мальчика. Но маленькій Сафаръ, долженствовавшій впоследствии стать инженеромъ, не дожилъ до этой славной поры и вскорѣ же послѣ своего рожденія отошелъ въ лучшій міръ, будучи запеченъ своей-еще дѣвчонкой—матерью на только что сильно истопленной печи, куда она положила его погрѣться...

Вѣсть эта, признаться, несмотря на всю силу своего трагизма, больше насъ смѣшила чѣмъ огорчила.

Судьба бѣднаго Курбана была такой же забавной, какъ и онъ самъ.

Больше мы долго не слышали ничего о немъ.

Всѣ болѣе или менѣе повзросли,—у каждаго явились новые интересы, новые знакомые, новыя развлеченія, затушившіе совершенно въ насъ память о несчастномъ Курбанѣ.

Сначала, было, ждешь, что онъ одумается, наконецъ, и придетъ таки просить прощенія, а когда этого не случилось, — просто перестали, позабыли вовсе, о немъ думать. Забылъ какъ будто и онъ о насъ.

Не видать, не слышать... Исчезъ, да и все тутъ.

Такъ лѣтъ пять прожили мы безъ Курбана, когда вдругъ для всѣхъ насъ совершенно неожиданно заболѣлъ всегда бодрый, здоровый и крѣпкій отецъ, поднявъ на ноги и повергнувъ весь домъ въ неподдающееся описанію уныніе.

Съ перваго же дня почему-то всѣ были убѣждены въ томъ, что болѣзнь его далеко не шуточна и не пустяжна, а что несетъ она съ собою папѣ непремѣнную ужаснѣйшую смерть.

Такъ это въ дѣйствительности и было. Прележавъ въ постели больше мѣсяца, онъ умеръ...

До сихъ поръ мучительно непріятно и больно вспоминать то, что намъ пришлось пережить въ эти трудные, ужасные дни. Къ чувству сознанія потери навсегда горячо любимаго, добрѣйшаго, незамѣнимаго отца присовокуплялось еще другое чувство,—сознаніе того, что ожидало насъ впереди въ матеріальномъ отношеніи: непремѣнная нищета, питаніе впроголодь, жизнь въ дешевенькой, сырой и холодной квартирѣ безъ прислуги и даже, быть можетъ, вынужденность бросить свое образованіе и заняться другимъ трудомъ, чтобы что-нибудь заработать на хлѣбъ для матери, сестеръ и братьевъ,—и это второе чувство въ безысходности и безнадежности своей нисколько не уступало первому.

Да, насъ ожидала нищета со всѣми связанными съ ней трудностями и лишениями, во всей ея прелести, и злодѣйка ждала только момента похоронъ трупа, чтобы тотчасъ же послѣ него полновластной госпожей вторгнуться въ потерявшую все, такъ еще недавно богатую и вовсе незнакомую съ ней, нашу семью...

Насталъ и день похоронъ.

Съ утра начали собираться къ намъ наши многочисленныя знакомыя и папины сослуживцы, спѣшившіе къ выносу, чтобы затѣмъ проводами праха на кладбище отдать послѣдній долгъ доброду, всѣми любимому при жизни отцу.

Мелкій осенній дождь сѣялъ безпрестанно еще со вчерашняго вечера, покрывъ весь нашъ немощеный дворъ тысячью лужъ самыхъ различныхъ формъ.

Намокшая земля легко и обильно прилипла къ колесамъ экипажей и телѣжекъ, къ сапогамъ и калошамъ пѣшихъ...

Дождь далекими, тонкими струйками стекалъ по желобкамъ крыши, безпокою покрытыхъ черными мѣшками лошадей катафалка, ожидавшаго у подъѣзда рѣдкаго пассажира, чтобы на своихъ предательскихъ колесахъ прокатить его въ первый и послѣдній разъ по бѣлу свѣту...

Панихида кончилась... Священникъ въ ризѣ и съ кадиломъ въ рукахъ невзирая на дождь и грязь, выходитъ съ пѣвчими на середину двора... Гробъ выносится на рукахъ и водружается на траурную колесницу и, когда все готово, процессія съ пѣніемъ „Святый Боже“ медленно двигается къ воротамъ...

У воротъ всѣмъ бросается въ глаза, что-то грязное, рваное, мокрое, свернувшееся клубкомъ въ лужѣ жидкой грязи, трясущееся и рыдающее.

Священникъ, указывая туда пальцемъ причетнику, тихо и почти равнодушно говоритъ:

„Сартишка-то, какъ убивается! Въ первый разъ вижу!“

Въ этомъ „сартишкѣ“ мы сразу узнали нашего запропавшаго Курбана.

Не вытерпѣвъ и выйдя изъ толпы провожающихъ, мы съ братомъ подбѣ-

жали къ нему, безумно радуясь неожиданной встрѣчѣ и готовые затѣмъ-то разрыдаться вмѣстѣ съ хорошимъ, добрымъ, роднымъ Курбаномъ:

„Курбанъ! Курбанъ! Что ты, голубчикъ?! Вставай, пойдѣмъ съ нами!“

Курбанъ не шевелился... Онъ и не взглянулъ на насъ и, стоя на колѣняхъ, не поднималъ съ земли своей мокрой и грязной головы, пока проходила мимо него процессія...

Только когда мы уже вернулись съ кладбища и послѣдніе гости уѣхали со двора, откуда-то изъ окутаннаго предвечерними сумерками сада снова вынырнулъ Курбанъ. Съ разбѣгу онъ бросился къ мамѣ въ ноги и, вытирая мокрымъ отъ слезъ и дождя краснымъ платкомъ распухшіе глаза, надрывающимся голосомъ, сдерживая вновь готовыя охватить его рыданія, кричалъ:

— „Дорогая барыня!.. Померъ баринъ!.. Теперь онъ святой! Теперь онъ все знаетъ! все можетъ!.. Пускай онъ меня убьетъ сейчасъ, если я скажу хоть одно неправильное слово!.. Честное слово даю вамъ, барыня,—баринъ видитъ: не я у васъ масло укралъ!.. Агапья масло укралъ. Я все самъ видалъ... У него подружка былъ солдатъ... они вмѣстѣ воровали, потомъ солдатъ масло на базаръ тащилъ!..“

Я не виноватъ, барыня! Простите меня, только я пожалуйста не виноватъ!.. Баринъ теперь святой, все знаетъ,—баринъ меня простилъ!.. Простите и вы меня, барыня! Позвольте мнѣ, чтобы я никуда теперь отъ васъ не ушелъ!.. Я все знаю... Мнѣ ничего не надо... Я буду жить съ вами, помогать ребятишкамъ!.. У меня теперь тоже ничего нѣтъ: жена убѣжала... домъ я вчера продалъ...

Не гоните меня барыня! Простите меня!“

Между тѣмъ онъ снялъ съ себя свой платокъ-кушакъ и развязавъ на немъ какой-то узелокъ, вытащилъ оттуда пачку кредитокъ и немного золота и положилъ ихъ передъ мамой прямо на полъ.

— „Вотъ, барыня, возьмите! Это ваши! Это не мое! Это все мнѣ баринъ далъ! Баринъ такой добрый былъ! Возьмите! Теперь у васъ ничего нѣтъ, я все знаю!.. Пожалуйста возьмите, барыня!“ умолялъ онъ, уже снова рыдая и уткнувшись лбомъ въ полъ...

Мама, блѣдная, глядѣла на все происходящее передъ ней ничего не понимающими, какими то помутнѣвшими,

закатившимися вверхъ, мертвыми глазами и молчала. Руки ея безпомощно свисли съ кресла и почти лежали на полу... Она была въ обморокѣ.

А Курбанъ все плакалъ и плакалъ и просилъ ее о какомъ-то прощеніи...

За то мы, бывшіе невольными свидѣтелями всей этой трогательной сцены, не могли дольше безучастно созерцать ее и одинъ за другимъ, и малъ, и великъ, всѣ бросились на шею къ оторопѣвшему было отъ неожиданности Курбану, и плакали отъ радости и умиленія вмѣстѣ съ нимъ, и цѣловали его мокрое и грязное, горячее, честное лицо.

Сергій Степной.

Мысль.

Ночью спять во мнѣ чувства мои,
Спать въ измученной за день груди.

Подожди, пощади, не буди—

До утра голодь свой затаи.

До утра... Я въ борьбѣ истомленъ,

Я усталъ, мое сердце молчить...

Ароматомъ мой садъ напоенъ,

Зачарованный сказкою, спить—

До утра... Вмѣстѣ съ солнцемъ въ груди

Снова вспыхнетъ огонь молодой.

О, тогда—приходи, приходи

Мой палачъ, мое счастье, за мной!..

Александръ Дроздовъ.

Три идеи въ русской философіи.

Русскіе философы всегда были убѣждены, что сущность вещей такъ или иначе познаваема.

Они не могли запереться въ узкомъ кругѣ специальныхъ изслѣдованій. Душа ихъ жаждала широкихъ перспективъ—истины дѣйствительности. Они также вѣрили въ величіе русскаго народа, и въ нравственное призваніе, они ставили высоко не только чистый разумъ и опытъ, но чувство убѣжденія. Если въ 20-хъ годахъ ІХХ в. они шли за западными философами, все же наиболѣе близки были имъ натуръ-философы—эволюціонисты, или философы романтики.

Такъ Галичъ въ своей книгѣ „Исторія философскихъ системъ по иностраннымъ руководствамъ составленныхъ“, воздавъ дань уваженія Канту, все же предпочтеніе даетъ Шеллингу. Онъ говоритъ: „Исторія философскихъ системъ есть вообще повѣствованіе о многоразличныхъ покушеніяхъ человѣческаго духа рѣшить важнѣйшія для него задачи при помощи умозрѣнія. Не всѣ философы имѣютъ въ ней право выступать на позорищѣ. Полчища слѣпыхъ послѣдователей, вольнопартизановъ, крикуновъ могутъ являться тутъ не иначе, какъ въ эпизодахъ“.

Вѣкъ, о которомъ „идетъ здѣсь рѣчь, созрѣлъ уже для великой, едва ли кончившейся въ наше время, революціи въ образѣ мыслей, и мужъ рѣдкихъ и высокихъ дарованій, произведшій оную мало-по-малу въ дѣйство изъ ти-

шины кабинета, былъ Иммануиль Кантъ. Но еще выше, по мнѣнію Галича, Шеллингъ. „Шеллингъ,—мыслитель первой величины, стремится въ созерцаніи міра къ цѣлому, къ безусловному, коего откровеніе Вселенная, объять Вселенную дѣйствіемъ умственного созерцанія не тѣснится въ кругу ограниченнаго, мелочнаго „я“, а познать все сущее—природу и духъ, въ общемъ ихъ началѣ—вотъ и главная цѣль его и блистательная заслуга. Сія философія идетъ новыми путями, воображаетъ общее въ особенное“.

— Давыдовъ (1794—1863) пытался излагать Шеллинга молодежи. „Начало“, соединяющее знаніе и бытіе, есть само свѣдѣніе, оно же и начало философіи. Показать единство знанія и бытія—вотъ широкая задача философіи“. „Философія каждаго народа должна вытекать изъ глубины его духа, а потому нечего и думать о томъ, чтобы прямо перенести германскую философію на русскую почву“.

Въ своемъ „опытѣ руководства къ исторіи философіи“ Давыдовъ признаетъ „перемѣнный“ характеръ философіи идущій къ предѣлу своему (лимитивный). Такъ онъ говоритъ: „нельзя не сказать вмѣстѣ съ Фонтенелемъ: сколько странностей должны были мы повторить, если бы древніе не предупредили насъ“.

Пользу философіи Давыдовъ усматриваетъ въ моральномъ ея значеніи. „Какая польза отъ философіи, еще въ

старину спрашивалъ у мудреца одинъ добродушный простолюдинъ. „Она учитъ, сказалъ философъ, добровольно дѣлать то, что другіе дѣлаютъ изъ принужденія“. „Кто можетъ благоговѣть передъ Провидѣніемъ болѣе философа, кто можетъ усвоить законы верховной власти, кто сострадательнѣе философа и т. д.“. Взгляды Шеллинга развивали также Павловъ, Одоевскій и Надеждинъ.

Всѣ эти философы стремились сочетать свойство духа и природы, и были убѣждены въ возможности познанія сущности вещей.

Въ сороковыхъ годахъ, какъ увидимъ мы ниже, выдвинута была вторая идея— о вселенской миссіи славянскихъ народовъ, и о нравственномъ, всебратскомъ союзѣ всѣхъ племенъ...

Эти свойства русской философіи и послѣдующіе опыты создать новую „жизненную, органическую“ теорію познанія—свидѣтельствуютъ о преобладающемъ лимитивномъ характерѣ русской мысли...

Но прежде чѣмъ перейти намъ къ раскрытію второй идеи русской философіи, нужно остановиться на русскомъ „Ньютонѣ“—Лобачевскомъ, примѣнявшемъ новый взглядъ на пространство.

Н. И. Лобачевскій (1793—1856) учился въ Казанскомъ университетѣ, и былъ ученикомъ математики Бартельса, астронома Литрова.

Будучи первымъ изъ студентовъ по математикѣ, Лобачевскій былъ также „первымъ по худому поведенію“. Его университетское начальство обвиняло въ „мечтательномъ самомнѣніи, въ упорствѣ неповиновенія, въ самопроизвольномъ уходѣ въ гости“ и т. д. Если бы незаступничество Бартельса и Литрова, Лобачевского исключили бы изъ уни-

верситета, но учителя-профессора его спасли для славы науки и Россіи.

Извѣстно, какъ трудно жить даровитымъ людямъ, у насъ въ Россіи. У насъ еще нѣтъ школъ для даровитыхъ, хотя много есть пріютовъ для бездарныхъ.

Съ 1814 г. Лобачевскій читаетъ въ Казанскомъ университетѣ теорію чиселъ по Гауссу и Лежандру, затѣмъ онъ начинаетъ читать алгебру, геометрію, тригонометрію, дифференціальное исчисленіе „по своимъ теоріямъ“

Въ 1827 г. онъ былъ ректоромъ университета, а въ 1846 г. назначенъ помощникомъ попечителя.

Среди большого числа трудовъ по математикѣ у Лобачевского, главное мѣсто занимаетъ „Новыя начала математики съ полной теоріей параллельныхъ.“ Лобачевскій, изучалъ взгляды ученыхъ на постулаты Евклида.

(Если одна прямая перпендикулярна къ данной, а другая подъ острымъ угломъ, то эти линіи пересѣкутся), Н. И. убѣждается, что этотъ постулатъ недоказуемъ. Отсюда онъ приходитъ къ идеѣ „новой, воображаемой геометріи“

Можно допустить, если одна прямая перпендикулярна къ данной, а другая подъ острымъ угломъ, мало отличающимся отъ прямого угла, то эти линіи не пересѣкутся. Изъ этого допущенія вытекаетъ рядъ теоремъ, какъ напр. тогда окажется, что сумма угловъ треугольника меньше двухъ прямыхъ.

Это было великое открытіе Лобачевского.

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, только на конечныхъ, земныхъ разстояніяхъ эвклидова геометрія имѣетъ свое примѣненіе, а на большихъ пространствахъ совершенныхъ нѣтъ.

Благодаря Лобачевскому, изменился взглядъ на пространство.

Идеи нашего математика были не поняты его современниками (кроме Гаусса). Критики отрицали, потому что не понимали: „Она не вѣрна, ибо мы не понимаемъ,“ такова была главная мысль критиковъ. Впослѣдствіи Бельтрами нашелъ псевдосферу, на которой планиметрия Лобачевскаго имѣетъ полное приложеніе.

Труды Лобачевскаго,—имѣютъ теоретико-познавательное значеніе, т. е. философское.

Они были началомъ той вдумчивости

объ окружающемъ пространствѣ! Теперь для насъ уже ясно, что геометрія Эвклида только частный случай пространственнаго міропониманія, что ученіе Канта объ идеальности геометрическаго пространства и независимости его отъ опыта невѣрна. Реальное пространство есть, и мы понимаемъ его при помощи той геометріи, которая наиболѣе приложима къ дѣйствительности, но „геометрій“ не можетъ существовать много.

К. Жаковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИЗНЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ,

Въ Политехническомъ Институтѣ.

Настроеніе, которое переживаетъ въ настоящій моментъ вся Россія, не могло не отразиться на жизни и нашего института.

Какъ только раздалась первая гула мировой трагедіи, многіе изъ студентовъ, рѣшившихъ до войны посвятить себя мирной работѣ, оставили институтъ и пошли въ ряды дѣйствующей арміи.

Но и оставшіеся въ институтѣ, очевидно, чувствовали себя не совсѣмъ хорошо, не принимая активнаго участія въ общемъ, великомъ дѣлѣ. Чувствовалась потребность въ несеніи, кроме обычныхъ институтскихъ работъ, какого-нибудь еще общаго дѣла.

Скоро и для нихъ нашлась работа. При институтѣ открылся лазаретъ и студентамъ было предложено взять на себя обязанности санитаровъ.

Молодежь охотно откликнулась на это новое для нихъ дѣло, и въ настоящее время, лазаретъ не испытываетъ надобности въ санитаряхъ. А нужно сказать, что вначалѣ инициаторы, по открытію лазарета, были весьма обеспокоены тѣмъ, что для несенія санитарной службы не найдется достаточнаго количества людей.

Главною обязанностью, образовавшагося отряда санитаровъ, является переноска раненыхъ изъ вагоновъ трамвая въ лазаретъ. Эта работа, требующая умѣнья и достаточной осторожности,

исполняется студентами весьма успѣшно и добросовѣстно.

Отзывчивость студентовъ побудила завѣдующихъ лазаретомъ, предложить учащимся нести кое-какую службу и внутри лазарета. Организовалась запись въ регистраторы, которымъ было предложено работать въ самомъ лазаретѣ. Сущность работы заключается въ приѣмѣ вещей отъ привозимыхъ раненыхъ, въ выдачѣ различныхъ справокъ и т. д. Образовалась и специальная „операционная группа“, помогающая врачамъ при операціяхъ и перевязкахъ.

Кроме этой физической помощи, оказываемой студентами въ общемъ дѣлѣ, нужно сказать что они не чуждаются нести помощь и чисто матеріальную. Каждый жертвуетъ, что можетъ и сколько можетъ. Раненые, на примѣръ, пользуются въ лазаретѣ табакомъ, газетами и журналами, которыя жертвуются исключительно студентами. На деньги же собираемые ежедневно среди студентовъ удовлетворяются по возможности остальные нужды раненыхъ. Во главѣ этого дѣла стоитъ „Комитетъ Политехниковъ“. На послѣднемъ своемъ засѣданіи комитетъ рѣшилъ обратиться къ студентамъ съ воззваніемъ: отчислять ежемѣсячно, отъ получаемаго каждымъ студентомъ „бюджета“, извѣстный процентъ (прибл. 3%) въ пользу учреждаемаго „Лазарета Высшихъ учебныхъ заведеній“. При чемъ 15% собираемой суммы, поступаетъ въ пользу лазарета при институтѣ. Это предложе-

ніе комитета принято всѣми студентами единодушно и уже проводится въ жизнь.

Что касается занятій въ институтѣ, то они идутъ приблизительно нормально и, работая въ организаціяхъ помощи раненымъ, студенты находятъ время и для посѣщенія лекцій.

Борисъ Корнѣевъ.

„Мертвыя души“ въ землячествѣ.

I.

„Послушайте“, жаловался мнѣ одинъ изъ нашихъ земляковъ, „что же мы будемъ дѣлать. Вѣдь такъ жить невозможно. Интересъ къ земляческимъ дѣламъ совершенно падаетъ. Я созывалъ четыре раза собраніе Правленія (онъ былъ предсѣдатель) и оно ни разу не состоялось. Что дѣлать? Руки опускаются послѣ этого. Работать нѣтъ силъ. Правленцы не хотятъ пальцемъ ударить. Имъ бы только личныя дѣла шли хорошо, а до земляческихъ хоть трава не расти.“ И дѣйствительно, положеніе дѣлъ въ землячествѣ годъ отъ году становится все плоше и плоше. Предо мною лежитъ масса протоколовъ, отчетовъ, которые ярко рисуютъ паденіе интереса у студентовъ къ своей родной организаціи, вспоенной кровью первыхъ ея организаторовъ, распустившейся было такимъ пышнымъ цвѣткомъ.

Въ третьемъ номерѣ „Сѣвернаго Гусляра“ однимъ изъ его сотрудниковъ, скрывшимся подъ псевдонимомъ „студентъ“ было напечатано начало статьи „объ экономическихъ организаціяхъ“, гдѣ говорится, что „всматриваясь въ работу этихъ организацій можно согласиться съ мнѣніемъ: что, тамъ идейно работаетъ лишь президіумъ; а члены кассъ служатъ лишь платежнымъ или совсѣмъ неплатежнымъ матеріаломъ.“ Но и не всегда и президіумъ бываетъ на высотѣ своего положенія, часто и туда попадаютъ „мертвыя души“, которыя только тормозятъ работу въ правленіи. Вотъ одинъ изъ примѣровъ ярко рисующихъ это положеніе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ произошелъ конфликтъ между предсѣдателемъ и правленіемъ. На общемъ собраніи предсѣдатель заявилъ, что онъ выходитъ изъ состава правленія, вслѣдствіе хроническаго расхожденія съ правленіемъ. Была назначена ревизіонная комиссія, которая и раскрыла положеніе дѣлъ въ правленіи. Предсѣдатель энергичный, талантливый человѣкъ не могъ ужиться съ правленіемъ которое безмятежно спало. Ему приходилось понукать правленцевъ, пользоваться своими правами, но ничего не выходило. Разбудить заколдованное царство было не по силамъ одного человѣка. Только тогда оно всколыхнулось, когда стали разбирать дѣло на слѣдующемъ общемъ собраніи. Посыпались жалобы, упреки предсѣдателю, мотивируемые тѣмъ, что онъ хо-

четъ привести въ порядокъ дѣла канцеляріи. чтобы переписка не велась въ такомъ хаотическомъ беспорядкѣ, какъ раньше. Правленцы, доказывали, что „мы студенты, а не писаки“.

идите ли, студенту не полагается вести правильно дѣла, они „студенты“. Работали когда хотѣлось, когда заблагоразсудится достоуважаемымъ членамъ. Дѣла хотѣли вершать по своему, не согласуясь съ уставомъ. Чего моя нога хочетъ. „Мы не сумасшедшіе и безсмысленнаго поступка не сдѣлаемъ“, говорили они въ свое оправданіе.

Таково было положеніе дѣлъ въ президіумѣ.

Есть отчего впасть въ отчаяніе, отказаться отъ занимаемой должности въ президіумѣ, какъ бы не хотѣлось работать. А просто въ землячествѣ, не въ правленіи, дѣло обстоитъ еще плоше.

II.

Доходы землячества падаютъ годъ отъ году. Платить 50 копеекъ „земляки“ считаютъ совершенно излишнимъ. Платятъ только вновь поступающіе въ землячество, да и то одинъ только семестръ. А тамъ они уже считаютъ себя за старыхъ студентовъ и платятъ взносъ они уже считаютъ предразсудкомъ. Изъ 170 человѣкъ заплатило въ 1913 году только двадцать человѣкъ. Недоимки накаплиются, растутъ съ каждымъ годомъ; студентъ кончаетъ, а недоимка такъ и остается за нимъ.

Падаютъ и другіе доходы землячества. Валовой сборъ съ традиціонныхъ спектаклей становится все меньше и меньше. Такъ было получено съ рождественскаго спектакля:

въ 1905 году	944 р. 86 к.
„ 1906 „	769 „ 60 „
„ 1907 „	715 „ 35 „
„ 1909 „	590 „ 74 „
„ 1910 „	737 „ 41 „
„ 1913 „	475 „ 73 „
„ 1914 „	329 „ 15 „

Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, доходы съ каждымъ годомъ становятся все меньше и меньше. И нынче уже получился дефицитъ. Только послѣ этого земляки поняли, что дальше уже идти некуда, что спектакли и маскарады, самую доходную статью, ставить пока не нужно. Общество охладѣваетъ къ студенческимъ спектаклямъ. Уже спектакли не тѣ, которые были раньше. Прежде принимали въ немъ участіе всѣ студенты, всѣ были заняты, а теперь работаетъ десять, двѣнадцать человѣкъ и разумѣется имъ невозможно справиться съ возложенной на нихъ работой. Всюду мертвыя души. Поступаютъ въ землячество большая часть членовъ не съ цѣлью работать, а такъ, по традиціи. Изъ гимназіи въ землячество. Число членовъ растетъ, пучится, дѣла же идутъ все плоше и плоше. Охлаждаютъ, пропадаеетъ интересъ къ работѣ, безусловно относятся къ идеаламъ землячества. Только кучка людей, „старыхъ“ студентовъ бьется, борется съ этимъ положеніемъ вещей,

ищетъ выхода изъ лабиринта. Иногда блеснетъ лучъ свѣта, расправятся крылья и вдругъ новый ударъ. И теперь только одна надежда, одинъ свѣтлый лучъ. Это легализація. Можетъ быть кто-нибудь изъ читателей откликнется на эту статью, можетъ быть кто-нибудь порадуетъ тѣмъ, что у нихъ дѣла въ землячествѣ идутъ хорошо, что оно крѣпнетъ, не пустоцвѣтъ, а

пышный цвѣтокъ, который принесетъ плодъ.

P.S. Можетъ быть кто-нибудь подѣлится впечатлѣніями о работѣ земляковъ. Все это прошу направлять въ редакцію съ отмѣткой на конвертѣ „земляческія дѣла“.

К. Логиновъ.

Письма въ редакцію.

М. Г. г. Редакторы!

Прочла 2-й номеръ „Сѣвернаго Гусляра“ (перваго прочесть не удалось) и была чрезвычайно обрадована партійнымъ раскрытіемъ, хотя бы и части, студенчества и его заявленіемъ объѣтомъ въ печати. Неужели горячій призывъ къ свѣту, безъ партійнаго самодовольства, не найдетъ широкаго отклика среди молодежи и вмѣстѣ съ тѣмъ не дастъ возможности журналу развиваться? Какъ цѣль журнала, такъ и пути, которые намѣчены къ ней, доставили мнѣ глубокое нравственное удовлетвореніе. Шлю искреннее спасибо инициаторамъ изданія и желаю „Сѣверному Гусляру“ жить и послѣ войны.

Курсистка.

М. Г.

Господинъ Редакторъ.

На Бестужевскихъ курсахъ по неизвѣстной причинѣ была запрещена продажа „Сѣвернаго Гусляра“ какой-то студенческой организаціей. Находясь на курсахъ уже нѣсколько лѣтъ, мы впервые слышимъ объ организаціи, имѣющей право что-либо не разрѣшать или позволять, не справившись предварительно съ мнѣніемъ всѣхъ товарищей. Глубоко огорченныя мы при первомъ возможномъ случаѣ поднимемъ этотъ вопросъ.

А посему не отчаивайтесь, товарищи, въ

чуткости сердець бестужевковъ, а мы въ слѣдующій разъ оправдаемъ себя.

Бестужевки.

М. Г.

Господинъ Редакторы!

Я будущая курсистка. Съ нетерпѣніемъ жду я окончанія гимназіи и поступленія на курсы съ нетерпѣніемъ жду этой жизни труда и лишений, но честной, разумной, хорошей жизни. Какъ хочется окунуться въ міръ науки, твердой вѣры въ осуществимость своихъ идеаловъ и труда на пользу родины. Но неужели и тамъ, на курсахъ, мнѣ придется нести ярмо узкой мелочной формальности, дисциплины и принужденія? Неужели въ моихъ будущихъ товаркахъ я встрѣчу тѣхъ курсистокъ — администраторовъ, курсистокъ — чиновниковъ, какихъ встрѣтилъ г. Лебединовъ на Бестужевскихъ курсахъ?

Нѣтъ! не можетъ быть.

Я не вѣрю, чтобы женщина науки, поборница свободы, вдругъ настойчиво, упорно стала отрицать эту свободу. Мнѣ кажется это единичный случай; или, можетъ быть, тутъ сыграли роль личныя отношенія?

Сестры-курсистки. Докажите, что и права, что, сочувствуя такому высокому и симпатичному дѣлу, какое начали ваши товарищи, вы будете имъ помогать, а не препятствовать.

Гимназистка.

Отъ редакціи. Въ 3 номерѣ нашего журнала по недосмотру типографіи было пропущено около 100 экзем. не корреktированныхъ, слѣдствіемъ чего явилось нѣсколько испорченныхъ мѣстъ.

ОТЧЕТЪ РЕДАКЦІИ

журнала учащейся молодежи „Сѣверный Гусляръ“ въ пользу семей павшихъ
въ бою воиновъ.

№ 2.

ПРИХОДЪ.

Продано второго номера изъ 10.000 напечатан- ныхъ съ отчисленіемъ 25% въ пользу про- давцовъ - студентовъ — 9254 экз. на сумму	694 р. 09 к.
Перваго номера—306 экз. на сумму	22 „ 95 „
Приторжка (нѣкоторыми лицами вмѣсто 10 коп. жертвовалось болѣе)	149 „ 41 „
За объявленія уплачено фирмами:	
Брокеръ	20 „ — „
Мертенсъ	10 „ — „
Эсдерсъ и Схефальсъ	20 „ — „
Отъ подписчиковъ по- ступило	35 „ 20 „
Итого выручено	951 р. 65 к.

Съ фирмы „Вулканъ“ не получено
за объявленіе 35 р.

Чистой прибыли отъ продажи 2-го номера получено	578 р. 12 к.
„ „ „ „ 1-го „ „	607 р. 61 к.

Всего получено отъ продажи 2-хъ номеровъ въ пользу
семействъ павшихъ въ бою воиновъ **1185 р. 73 к.**

Деньги, за исключеніемъ отчисленныхъ на изданіе слѣдующаго очеред-
ного выпуска журнала, хранятся въ государственной сберегательной кассѣ.

Проектируется студенческая организація во главѣ съ редакціей журнала
„Сѣверный Гусляръ“, которая будетъ завѣдывать распредѣленіемъ суммъ,
вырученныхъ отъ продажи журнала. Редакція.

РАСХОДЪ.

Уплочено:	
по счету типографіи (бумага, печатаніе и пр.)	324 р. 22 к.
Почтовые расходы	9 „ 50 „
Канцелярскіе и редак- ціонные расходы (квар- тира, освѣщеніе газе- ты и журналы и пр.)	35 „ 26 „
Штемпель редакціи	2 „ 25 „
Фальшивыхъ денегъ, уничтоженныхъ госу- дарств. банкомъ	2 „ 30 „
Итого	373 р. 53 к.

Отвѣтственный редакт.-издатель *Александръ Васильевъ.*

А. ГАНГЕЛИНА

ЧЕТВЕРТАЯ СИМФОНИЯ ЧАЙКОВСКАГО

(въ стихахъ). 90 книгъ пожертвованны въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ, продаются въ конторѣ журнала „Сѣверный Гуслиарь“ **Цѣна 50 коп.**

Н. В. СЕВАСТЬЯНОВА

PRIMA CARMINA

(тридцать пять стихотвореній).

100 книгъ пожертвованны съ той-же цѣлью, продаются тамъ-же.
Цѣна 30 коп.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію—рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстраціи и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа, и по возможности четко,—подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Просимъ нуждающихся записываться въ число продавцовъ и принимать участіе въ общей работѣ по распространенію журнала. Объ условіяхъ справитесь въ редакціи.

Просимъ г.г. подписчиковъ деньги посылать на имя редактора А. А. Васильева.

Просятъ г.г. мѣсячныхъ подписчиковъ, озаботиться своевременнымъ возобновленіемъ подписки, дабы избѣгнуть перерыва доставки журнала.

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ“

ЕЖЕНЕДѢЛ. ЖУРН. УЧАЩ. МОЛОДЕЖИ

въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

на годъ	5 р.
„ 6 мѣс.	2 р. 50 к.
„ 3 мѣс.	1 р. 25 к.
„ 1 мѣс.	— р. 45 к.

Подписка принимается въ магазинахъ Вольфа, Невскій пр. 13 и Гост. дв. 18, маг. Попова (у Аннич. мос.) и въ отдѣл. конторы Литейн., 33.